

A woman with long, dark, flowing hair, wearing a black gothic-style dress, stands in the foreground. She is looking back over her shoulder towards the camera. Behind her is a large, ornate, golden gate that is glowing with a bright, intricate, golden light pattern. The gate is set within a dark, gothic cityscape with tall spires and towers. The sky is dark and stormy, with lightning bolts visible. The overall atmosphere is dark, mysterious, and dramatic.

АРДЕН НОРТ

ЩЕПОТ
ТЁМНОГО ДАРА

Арден Норт

Шёпот тёмного дара

<https://litres.ru/73998889>

SelfPub; 2026

Аннотация

Первая книга цикла «Шёпот тёмного дара».

Нижний Квартал гниёт под бесконечным дождём, а жизнь здесь стоит дешевле куска хлеба. Лира привыкла выживать, но одна случайная стычка в подворотне меняет всё.

Убийственный холод. Погасшие фонари. Странная пустота внутри.

Она пробудила Тьму — дар, который Империя считает мифом, а закон требует уничтожить.

Вместо казни Лиру отправляют в Академию Штормовой Предел, где наследники древних кланов учатся магии и борьбе за власть. Здесь её боятся. Ненавидят. За ней следят.

Но Тьма внутри неё не похожа ни на одну из известных стихий. Она меняет всё, к чему прикасается. Даже правила, по которым жил этот мир.

Наследник одного из самых влиятельных кланов, Кайан Блэквуд, сначала видит в ней угрозу. Потом — союзника. А затем между ними возникает связь, опасная для них обоих.

Тем временем по всему миру пробуждаются древние руины. И становится ясно: происходящее в Академии — лишь начало.

Тьма возвращается.

Содержание

Пролог Два старика	5
Часть I. Пробуждение	8
Глава 1. Нижний Квартал	8
Глава 2. Щенок	13
Глава 3. Пробуждение	17
Глава 4. Прибытие во Врата Бури	23
Глава 5. Распределение	33
Глава 6. Холодный приём	47
Глава 7. Первое столкновение	58
Глава 8. Урок Выживания	69
Глава 9. Сделка с Тенью	81
Глава 10. Тёмные Техники	92
Глава 11. Дуэль Чести	103
Глава 12. Запретный Приём	115
Глава 13. Слухи и Страх	125
Глава 14. Тайна Ректора	133
Глава 15. Урок Стихий	143
Конец ознакомительного фрагмента.	144

Арден Норт

Шёпот тёмного дара

Пролог Два старика

Ливень шёл с самого утра.

Холодный, вязкий, серый — такой, что Нижний Квартал казался одной большой мокрой кашей из булыжника, грязи и воды. Потоки стекали с перекошенных крыш, собирались в канавках, капали с рваных навесов рынка.

Под старым навесом у мясных рядов стояли двое стариков.

Оба в потрёпанных плащах. Оба мокрые почти до нитки.
— Я смотрю на девчонку, — сказал один, щурясь от дождя.

— А на ту... — спокойно ответил второй.

— Скоро у неё весёлая жизнь начнётся.

— А тебе какое дело?

— Да так.

— Вечно ты заглядываешь наперёд.

— Просто интересно.

Несколько секунд они молчали. Дождь барабанил по навесу.

— Да, раньше можно было много чего, сам знаешь, — продолжил первый.

— Прошли те времена, теперь от тех возможностей остался один пшик.

— Не злоупотребляли бы, и страх людей бы не перекрыл это, — спокойно сказал второй.

— Но зато Кроу пытается... или делает вид, что пытается.

— Пусть пытается, может ума наконец наберётся.

Первый поёжился, запахнул плащ плотнее.

— Ладно, мне пора.

— Куда тебе под таким дождём? — второй кивнул на стену воды.

— Да он сейчас через пять минут кончится.

Ветер слегка изменился. Совсем чуть-чуть. Почти незаметно.

Ровно через пять минут чёрное небо разверзлось длинной

голубой полосой. Яркое солнце пробилось сквозь тучи. Капли на навесе заблестели, будто стеклянные.

Первый старик крикнул, кивнул и пошёл прочь, слегка прихрамывая. Не оглядываясь.

Тот, что остался, проводил его взглядом. На губах появилась едва заметная улыбка — усталая, спокойная. Он медленно покачал головой, будто старому знакомому, который снова выкинул свой привычный фокус.

И ещё через пару минут голубая полоса исчезла. Небо сомкнулось. Дождь вернулся стеной, так же спокойно, будто ничего и не было.

Старик остался под навесом. Мимо, кутаясь в латаный сюртук, быстро прошла худенькая девчонка. Он посмотрел на неё всего на секунду. Потом отвёл взгляд и продолжил смотреть на дождь.

Часть I. Пробуждение

Глава 1. Нижний Квартал

Осень в Нижнем Квартале всегда приходила вместе с сыростью.

Она забиралась под одежду, в стены домов, в старые доски полов и даже в хлеб. По утрам казалось, будто весь квартал медленно гниёт под бесконечным дождём.

Лира проснулась ещё до рассвета.

Не потому что выспалась.

Просто с потолка снова начало капать прямо рядом с лицом.

Она раздражённо открыла глаза и откатилась к стене. Над головой темнели старые балки. Между ними тянулась тонкая мокрая трещина.

Капля сорвалась вниз и звонко ударилась о жестяную миску на полу.

Кап.

Кап.

Кап.

Лира тихо выдохнула и села.

В комнате было холодно. Настолько, что изо рта шёл пар.

На соседнем тюфяке спал мальчишка хозяйки. Во сне он

свернулся клубком под тонким одеялом и что-то недовольно бормотал.

Ли́ра осторожно поднялась, стараясь не шуметь.

Старый тёмный сюртук висел на спинке стула. На локте снова разошёлся шов.

Она несколько секунд смотрела на него.

Потом всё равно надела.

Другого не было.

Пальцы привычно проверили внутренний карман.

Пусто.

Очень неожиданно.

Ли́ра нахмурилась.

Вчера там точно оставались две мелкие монеты.

Она быстро ощупала остальные карманы.

Ничего.

Только старая нитка и кусочек угля.

Девушка тихо выругалась себе под нос.

Наверное, хозяйкин брат опять лазил по вещам.

Или сама выронила.

Сейчас уже не понять.

Она устало провела ладонью по лицу и вышла наружу.

На лестнице пахло мокрым деревом и вчерашней похлёбкой.

Где-то внизу уже ругались.

— Я тебе говорю, это мои дрова!

— Да плевать мне на твои дрова!

— Ах ты...

Лира спокойно проскользнула мимо.

Во дворе было серо и мокро. Между домами висело бельё, которое давно перестало сохнуть. Из открытого окна доносился кашель. Кто-то колот дрова прямо под дождём.

Нижний Квартал просыпался медленно.

Без спешки.

Без надежды.

Она быстро шла по знакомым улицам, перепрыгивая лужи.

Старый рынок уже оживал. Торговцы натягивали навесы. Скрипели телеги. Где-то ругался мясник.

Лира остановилась возле булочной.

Запах свежего хлеба ударил почти болезненно.

Живот тут же сжался.

Она машинально отвернулась.

Смотреть бесполезно.

Денег всё равно нет.

Рядом под навесом сидела старая торговка яблоками. Маленькая, сгорбленная, укутанная в три платка сразу.

Она возилась с корзинами и тихо бормотала что-то себе под нос.

Когда Лира проходила мимо, одно яблоко вдруг неожиданно выкатилось из корзины прямо к её ногам.

Торговка даже не заметила.

Ли́ра замерла.

Посмотрела на яблоко.

Потом на старуху.

Несколько секунд внутри шла привычная борьба.

Вернуть.

Забрать.

Вернуть.

Забрать.

Живот снова болезненно сжался.

Ли́ра быстро подняла яблоко.

— У вас упало.

Старуха подняла мутные глаза.

Посмотрела сначала на яблоко, потом на Ли́ру.

И неожиданно хмыкнула.

— Честная, значит.

— Просто заметила.

— Угу.

Старуха забрала яблоко.

Помолчала.

Потом вдруг сунула его обратно Ли́ре.

— Бери уж.

Ли́ра растерянно моргнула.

— Я же...

— Бери, пока не передумала.

Девушка медленно взяла яблоко.

Тёплое.

Будто только из дома.

— Спасибо.

— Ага.

Старуха уже снова копалась в корзине, будто потеряла к ней всякий интерес.

Лира отошла чуть дальше и только потом осторожно откусила.

Сладкое.

Настоящее.

Она даже не помнила, когда ела такие яблоки в последний раз.

Дождь вокруг стал сильнее.

Люди начали быстрее двигаться между рядами.

Где-то наверху, далеко за серыми крышами, на мгновение мелькнули белые башни Верхнего города.

Чистые.

Чужие.

Будто вообще из другого мира.

Лира посмотрела на них всего секунду.

Потом запахнула старый сюртук плотнее и пошла дальше по мокрым улицам Нижнего Квартала.

Туда, где её ждала обычная жизнь.

Она ещё не знала, что эта жизнь закончится раньше следующей ночи.

Глава 2. Щенок

К вечеру дождь стал только хуже.

В Нижнем Квартале это никого не удивляло. Здесь вообще редко чему-то удивлялись. Дождь шёл — значит шёл. Крыша течёт — значит подставь ведро. У тебя украли сапоги — значит плохо смотрел.

Лира натянула ворот старого сюртука выше и свернула в узкий проход между лавками.

Рынок уже закрывался.

Торговцы ругались, затаскивая под навесы ящики. Кто-то спорил из-за цены на муку. Где-то визжал ребёнок. В лужах отражались мутные огни старых фонарей.

Живот неприятно тянуло от голода.

Яблоко давно закончилось.

Она собиралась вернуться обратно к дому хозяйки короткой дорогой через старые склады, когда услышала лай.

Тихий.

Испуганный.

Лира машинально обернулась.

Под навесом возле закрытой сапожной лавки стоял мальчишка лет десяти. Худой. Мокрый насквозь. Обнимал дрожащего щенка так, будто у него пытались забрать последнее, что осталось в жизни.

Перед ним стояли трое.

Лира знала таких.

Нижний Квартал был ими забит.

Полупьяные. Злые. Вечно ищущие, на ком сорвать раздражение.

Самый высокий держал мальчишку за ворот.

— Я сказал — отдай.

— Это мой! — сорвался тот.

Мужик усмехнулся.

— Уже нет.

Щенок жалобно скулил.

Второй засмеялся:

— Да утопим его в канаве и всё.

Мальчишка дёрнулся так резко, будто его ударили.

И почему-то именно это Лиру зацепило.

Не щенок.

Не драка.

А этот взгляд.

Она слишком хорошо его знала.

Так смотрят, когда понимают:

сейчас отнимут последнее.

Лира устало прикрыла глаза.

Только не сегодня.

Она уже почти прошла мимо.

Почти.

Потом всё-таки остановилась.

— Эй.

Трое обернулись.

Высокий смерил её взглядом сверху вниз.

— Иди своей дорогой.

— Отпусти пацана.

— А то что?

— А то у тебя рожа и так кривая. Станет ещё хуже.

Второй заржал.

Высокий медленно отпустил ворот мальчишки.

— Смотри-ка. Смелая.

— Нет. Просто усталая.

Мужик шагнул ближе.

От него воняло дешёвым пойлом.

— Тебе жить надоело?

— Не настолько, чтобы слушать тебя весь вечер.

За спиной кто-то хрюкнул от смеха.

Высокий резко развернулся:

— Завались!

И именно в этот момент мальчишка рванулся.

Быстро. Отчаянно.

Проскочил между ними и почти влетел Лире за спину, прижимая к груди мокрого щенка.

Она почувствовала, как его трясёт.

Мужики замерли.

Теперь всё стало хуже.

Потому что это уже выглядело как выбор стороны.

Ли́ра тихо выдохнула.

Ну конечно.

Высокий медленно оскалился.

— Ну всё. Теперь и ты меня выбесила.

Ли́ра оглянулась.

Узкий переулок.

Мокрая кирпичная стена.

Тупик.

Прекрасно.

Она чуть сдвинулась назад, закрывая собой мальчишку.

Тот вжался ей в спину так сильно, будто пытался исчез-

нуть.

Дождь барабанил по камню.

Высокий шагнул вперёд.

— Отдай щенка, — прохрипел он. — И уйдёшь целой.

Ли́ра медленно выдохнула.

— Пошёл к чёрту.

Глава 3. Пробуждение

Лира прижималась спиной к сырой кирпичной стене, за-
слоняя собой мальчишку.

Мальчишка дрожал так сильно, что Лира чувствовала это
спиной.

— Отдай щенка, — прохрипел самый высокий. — И уй-
дѐшь целой.

Лира медленно выдохнула.

— Пошёл к чёрту.

Мужик усмехнулся.

У него были сломанный нос и глаза человека, который
давно перестал видеть разницу между ребёнком и кошель-
ком.

— Смелая.

Он шагнул вперёд.

Мальчишка всхлипнул за её спиной.

Этот звук ударил неожиданно сильно.

Слишком знакомо.

Когда-то Лира сама так дрожала в подворотнях, ожидая,
когда взрослые решат, стоит ли оставлять её в живых.

— Беги, — тихо сказала она.

Мальчишка замер.

— Сейчас.

Он сорвался с места.

— Сука!

Мужик рванулся вперёд быстрее, чем Лира ожидала.

Удар в живот вышиб воздух из лёгких.

Она согнулась пополам.

Краем глаза увидела, как мальчишка исчезает в дожде.

— Лови его!

— Сначала эту.

Лира подняла голову.

Нож уже летел вниз.

Старая рукоять.

Синяя тряпка на запястье.

Ржавая зазубрина у основания лезвия.

Мир вдруг стал очень тихим.

Дождь исчез.

Звуки улицы исчезли тоже.

Осталось только странное ощущение внутри —

будто что-то огромное и холодное медленно открыло глаза где-то глубоко под рёбрами.

Лира замерла.

Она никогда раньше не чувствовала ничего подобного.

Страх должен был прийти первым.

Но вместо страха пришло другое.

Пустота.

Фонарь над подворотней погас.

Не мигнул.

Просто исчез.

Будто свет из него выдернули целиком.

Мужик резко остановился.

— Что за...

Воздух потяжелел.

Дождь вокруг Лиры больше не долетал до земли.

Капли зависали в воздухе — дрожащие, чёрные в мёртвом свете улицы.

Нож рассыпался.

Без звука.

Словно проржавел за сотню лет за одно мгновение.

Мужик уставился на пустую рукоять.

А потом закричал.

Его рука начала темнеть прямо на глазах — не от огня, не от крови. Кожа высыхала, трескалась, осыпалась серой пылью.

Второй отшатнулся.

— Что ты за тварь?..

Лира не ответила.

Она вообще не была уверена, что ещё может говорить.

Холод внутри становился больше.

Слишком быстро.

Третий бросился бежать.

И тогда улица взорвалась.

Камень треснул.

Невидимая волна ударила сразу во все стороны.

Двух мужчин швырнуло в стену так сильно, что кирпич осыпался им на головы.

Один больше не поднялся.

Второй тихо скулил в грязи.

Потом всё закончилось.

Так же внезапно, как началось.

Дождь снова обрушился на улицу.

Лира пошатнулась.

Холод внутри медленно отступал, но вместе с ним уходили силы.

Она сползла по стене вниз, тяжело дыша.

Руки дрожали.

Что-то было неправильно.

Очень неправильно.

Тихий хлопок раздался прямо посреди подворотни.

Будто открыли дверь.

Лира резко подняла голову.

Перед ней стоял высокий мужчина в серой мантии.

Дождь не касался его.

Капли исчезали в нескольких пальцах от ткани.

На руке поблёскивало кольцо из чёрного серебра — четыре стихийных символа вокруг раскрытой книги.

Мужчина смотрел не на тела.

На неё.

Очень внимательно.

И впервые за всё это время Лира увидела в чьих-то глазах настоящий страх.

— Не может быть... — тихо произнёс незнакомец.

Лира с трудом сглотнула.

— Что... это было?..

Мужчина молчал несколько секунд.

Потом медленно спросил:

— Кто-нибудь ещё видел тебя?

Лира нахмурилась.

— Что?

Он шагнул ближе.

Теперь его взгляд стал жёстким.

Собранным.

Опасным.

— Отвечай.

— Нет...

Мужчина медленно выдохнул.

Будто услышал лучший ответ из возможных.

— Тогда у нас ещё есть время.

— Для чего?..

Он посмотрел на разрушенную улицу.

На рассыпавшийся нож.

На погасший фонарь.

И снова на неё.

— Чтобы понять, кем ты стала.

— А вы кто? — настороженно спросила она.

— Я — ректор Альтár Крбу, — представился он. — Ты сейчас использовала запретную магию пятой стихии. По закону Империи я обязан тебя казнить.

— Тогда казни, — прохрипела Лира. Внутри не было страха. Только злая, упрямая гордость — та, что помогала выживать в трущобах девятнадцать лет.

Ректор прищурился. И вдруг улыбнулся — тонко, как человек, нашедший редкий артефакт.

— Я могу предложить альтернативу, — сказал он. — Ты поступишь в Академию Стихий. Будешь учиться контролировать свой Дар. Или умрёшь здесь и сейчас.

Он протянул ей руку.

Она сделала выбор.

Глава 4. Прибытие во Врата Бури

В следующий момент ректор предупредил.

— Не дёргайся, — произнёс он спокойно. — И постарайся не блевать на меня. Это испортит первое впечатление.

Лири не успела ответить.

Мир разорвали пополам.

Не движение.

Не падение.

Скорее ощущение, будто её протащили через ледяную щель между двумя ударами сердца.

Воздух исчез.

Тело на миг перестало понимать, где верх, где низ.

А потом всё закончилось.

Она резко вдохнула и едва удержалась на ногах.

Под подошвами вместо грязного камня Нижнего Квартала хрустела белая мраморная крошка.

Желудок болезненно сжался.

Лири сглотнула подкатившую тошноту и медленно подняла голову.

Над ней возвышалась академия.

Нет.

Не академия.

Крепость.

Четыре огромных шпиля уходили в грозовое небо так высоко, что верхушки почти терялись среди облаков. Один был оплетён огненными прожилками, будто внутри камня текла раскалённая кровь. Второй казался прозрачным — лёд или стекло, Лира не поняла. Третий зарос тёмно-зелёными лианами, которые медленно шевелились под дождём. Четвёртый почти растворился в воздухе — лёгкий, призрачный, сотканный из тумана и облаков.

А между ними зияло пустое место.

Сначала Лира не поняла, что именно не так.

Потом увидела.

Основание пятого шпиля.

Только основание.

Огромный чёрный обрубок торчал среди остальных башен, как выбитый зуб. Камень выглядел оплавленным. Будто его не разрушили — сожгли изнутри.

Лира поймала себя на том, что смотрит слишком долго.

Внутри неприятно шевельнулось то же ощущение, что появилось в подворотне.

Холодное.

Непонятное.

Словно что-то под кожей узнало это место раньше неё самой.

— Не смотри, — резко сказал ректор.

Она отвела взгляд.

Он уже шёл вперёд через широкий внутренний двор.

Дождь почти не касался его серой мантии.

Лира двинулась следом.

Ворота академии были открыты настежь. Старое кованое железо, тёмное от времени. Над аркой — пять мест под символы.

Четыре были на месте.

Пятый отсутствовал.

Не стёрт.

Не разбит.

Вырван.

По краям металла остались рваные следы.

Лира невольно провела пальцами по собственному запястью.

Ей не понравилось это ощущение.

Совсем.

Во дворе былолюдно.

Слишкомлюдно.

Студенты стояли на лестницах, у колонн, под галереями. Разных возрастов. Кто-то совсем подросток. Кто-то уже выглядел взрослым мужчиной с боевыми шрамами и холодными глазами.

Мантии — алые, синие, серебристые, тёмно-зелёные.

Кланы.

Ли́ра сразу почувствовала разницу.

Эти люди не выживали.

Они родились в мире, где им заранее принадлежало место.

Разговоры начали стихать один за другим.

Кто-то узнал ректора.

Потом заметили её.

Взгляды стали другими.

Ли́ра слишком хорошо знала такие взгляды.

Так смотрят:

на грязь,

на болезнь,

на проблему.

— Это она?

— Из Нижнего?

— Серьёзно?..

— После того, что случилось вчера?..

Последнюю фразу произнесли почти шёпотом.

Ректор продолжал идти, будто ничего не слышал.

Ли́ра держалась рядом.

Инстинктивно.

Как рядом с человеком, которого боятся сильнее, чем те-

бя.

— Ни с кем не разговаривай, — тихо произнёс ректор. —
И ничего не пытайся доказать.

— А если спросят?

— Особенно тогда.

Она коротко усмехнулась.

— Отличное место.

— Ты ещё не видела плохие части.

Они подошли к центральной лестнице.

Трое ждали наверху.

Первым Лира заметила высокого парня в серебристой мантии.

Он стоял неподвижно, заложив руки за спину. Светлые волосы, серые глаза, слишком спокойное лицо человека, который с детства привык контролировать каждую эмоцию.

Но взгляд был внимательный.

Слишком внимательный.

Не презрение.

Оценка.

Рядом стояла девушка в алой мантии. Рыжие волосы собраны слишком идеально, чтобы это выглядело естественно. На Лиру она смотрела так, будто та пришла босиком в храм.

Третий был шире остальных в плечах и лениво катал в пальцах каменный шарик.

Вот он как раз не скрывал интереса.

— Ректор, — произнёс серебристый. — Это и есть при-

чина вчерашнего переполоха?

— Мисс Эшфорд, — спокойно ответил Кроу. — Новый студент.

Рыжая негромко хмыкнула.

— Студент? Серьёзно?

Ректор даже не повернул головы.

— У тебя есть возражения, мисс Флейм?

— Пока нет.

Но взгляд говорил обратное.

Лира молчала.

Она чувствовала себя так, будто вошла в клетку с хищниками, которые ещё не решили, стоит ли нападать сразу.

Серебристый продолжал смотреть на неё.

И почему-то именно это раздражало сильнее всего.

Не страх.

Не ненависть.

Интерес.

Будто он пытался что-то понять.

Лира встретила его взгляд прямо.

В Нижнем Квартале нельзя было отводить глаза первым.

Парень едва заметно прищурился.

На секунду у Леры снова появилось то странное ощущение под рёбрами.

Очень слабое.

Как далёкий отклик.

Она почти сразу разозлилась на себя.

Хватит.

Вчерашнего кошмара было достаточно.

— Долго не протянет, — спокойно произнесла рыжая.

— Возможно, — ответил серебристый.

И это прозвучало почему-то хуже.

Не как оскорбление.

Как вывод.

Ректор наконец остановился.

— Мистер Блэквуд, — произнёс он ровно, — советую дождаться Церемонии, прежде чем делать выводы.

Тот чуть склонил голову.

Без извинения.

Без спора.

Просто отметил сказанное.

— Разумеется.

Рыжая развернулась первой.

Каменный маг задержался ещё на секунду.

— Будет интересно, — сказал он Лире вполголоса.

И ушёл следом за остальными.

Лира проводила их взглядом.

— Кто это?

— Проблемы, — сухо ответил ректор. — Разного масштаба.

Они вошли внутрь академии.

Тепло ударило неожиданно резко.
Высокие своды уходили в темноту.

Под потолком медленно плавали хрустальные сферы с живым огнём внутри.

По стенам тянулись старые гобелены и выцветшие знамёна.

Здесь пахло:

бумагой,

камнем,

магией,

старыми деньгами.

Лира чувствовала себя грязной.

Не из-за одежды.

Из-за того, что это место будто сразу поняло — она чужая.

На одном из гобеленов мужчина в тёмной мантии стоял против четверых магов.

Лица почти не сохранились.

Только у одного они были стёрты намеренно.

Лира замедлила шаг.

Снова это чувство.

Будто внутри кто-то задержал дыхание.

— Не советую долго смотреть на старые вещи, — произнёс ректор.

— Почему?

— Здесь слишком многое любит смотреть в ответ.

Она не поняла, шутит он или нет.

Скорее всего — нет.

Они поднялись по широкой лестнице.

Где-то далеко гремел гром.

Академия шумела:

голоса,

эхо шагов,

всплески магии за стенами,

чужая жизнь.

Огромная.

Сложная.

Опасная.

И Лира внезапно очень ясно поняла одну простую вещь.

Если вчера в подворотне произошло что-то действительно неправильное —

то здесь это заметят.

Не сразу.

Но заметят обязательно.

— После Церемонии меня хотя бы перестанут так разглядывать? — спросила она.

Ректор коротко усмехнулся.

— Нет.

— Отлично.

— Но тогда у тебя появится шанс выжить.

Это прозвучало настолько спокойно, что Лира впервые по-настоящему поверила:

он не преувеличивает.

Здесь люди действительно могли умереть.

И, возможно, не только на дуэлях.

Глава 5. Распределение

Колокол ударил ещё до рассвета.

Звук был низким, тяжёлым — не просто слышался, а проходил сквозь стены и кости. Лира проснулась мгновенно. Несколько секунд лежала неподвижно, глядя в тёмный потолок, и не понимала, где находится.

Не было капающей крыши.

Не воняло сыростью.

Никто не орал за стеной.

Только тишина.

Чужая.

Потом память вернулась сразу — академия, ректор, лестницы, взгляды.

И тот чёрный обрубок шпилья на фоне грозового неба.

Лира резко села.

Комната была маленькой, но чистой. Слишком чистой. Узкие кровати по разным стенам, шкаф, медный ручкомойник, окно, за которым серело утро. На соседней кровати кто-то зашевелился.

— Ты так дёргаешься во сне, будто тебя режут, — тихо произнесла Нисса.

Лира повернула голову.

Соседка сидела, натянув одеяло до подбородка. Светлые волосы спутались после сна, огромные серые глаза выглядели настороженными. Не испуганными. Пока нет.

— А тебя это удивляет? — спросила Ли́ра.

Нисса замолчала.

Потом осторожно сказала:

— Колокол зовёт на Распределение. Нужно идти сразу. Если опоздаешь — магистры запомнят.

— Здесь все всё запоминают?

— Да.

Это прозвучало слишком быстро, чтобы быть шуткой.

Ли́ра встала. Пол оказался ледяным. Она натянула штаны, сюртук и только сейчас заметила, что одежду кто-то вычистил. Вчерашняя грязь исчезла. Даже кровь на рукаве.

— Это ты?

— Прачечные руны, — ответила Нисса. — Они работают ночью.

Ли́ра провела пальцами по ткани.

Странное чувство.

Вещь осталась её — и одновременно будто уже нет.

Коридоры академии были заполнены людьми.

Сонные студенты стекались к центральной лестнице. Мантии четырёх цветов двигались единым потоком — се-

ребро, алый, зелёный, синий. Кто-то зевал. Кто-то повторял конспекты на ходу. Двое старшекурсников спорили о дуэльном кодексе.

Но когда Лира вышла в коридор — разговоры начали стихать.

Не сразу.

Постепенно.

Как будто по толпе проходила невидимая волна.

Лира шла рядом с Ниссой и чувствовала взгляды кожей.

Некоторые были откровенно враждебными.

Некоторые — испуганными.

Некоторые — слишком внимательными.

Она знала такие взгляды.

Так смотрят на пожар через окно соседнего дома.

— Они уже всё знают? — спросила Лира.

— В академии новости живут быстрее людей.

— И что именно они знают?

Нисса поколебалась.

— Что вчера у ворот было что-то... странное.

— Очень содержательно.

— Никто толком не понимает, что именно произошло, — призналась Нисса. — Но ректор привёл тебя лично. Уже этого достаточно.

Они спустились по широкой лестнице.

У входа в Главный Зал стояли старшие студенты и следили, чтобы все снимали обувь.

Лира остановилась.

— Это ещё зачем?

— Традиция, — тихо сказала Нисса, стягивая туфли. —

Считается, что стихии чувствуют человека через кожу.

— А через сапоги — нет?

— Не шути сейчас.

Лира хмыкнула, но сапоги всё-таки сняла.

Камень под ногами оказался ледяным.

Главный Зал был огромен.

Настолько, что первые секунды Лира просто смотрела вверх.

Купол терялся в полумраке. По нему шли старые фрески — выцветшие, потрескавшиеся. Четыре фигуры в длинных одеждах тянули руки к небу, а между ними когда-то был кто-то ещё.

Теперь там осталась только пустота.

Не трещина.

Не разрушение.

Кого-то аккуратно выскоблили из истории.

В центре зала возвышался круглый пьедестал.

На нём стояли четыре чаши.

Огонь.

Вода.

Земля.

Воздух.

Лири почувствовала это сразу — даже не понимая как.

Чаши не были артефактами.

Они были чем-то другим.

Старым.

Живым.

Пламя в первой дышало.

Вода во второй двигалась слишком медленно для обычной жидкости.

В третьей лежала тёмная земля, из которой прорастали тонкие зелёные нити.

Над четвёртой кружился серебристый туман.

И всё же что-то в этой картине было неправильным.

Как выбитый зуб.

Лири не сразу поняла.

Под пьедесталом оставалось пустое углубление.

Место для пятой чаши.

Ректор уже ждал у ступеней.

Сегодня на нём была не мантия ректора, а длинное чёрное

одеяние без символов клана. Только тонкие серебряные нити на рукавах — старые знаки стихийного круга.

Когда он заговорил — зал стих мгновенно.

— Сегодня вы пройдёте Распределение.

Голос был спокойным.

Без торжественности.

— Некоторые из вас считают, что это формальность.

Некоторые — что приговор. Обычно правда находится между.

Несколько человек нервно усмехнулись.

— Подходите по одному. Коснитесь чаш. Стихия ответит, если признает вас.

— А если нет? — выкрикнул кто-то.

— Значит, академия ошиблась, приняв вас.

Смех оборвался.

Ректор выдержал паузу.

— Начинайте.

Лири наблюдала внимательно.

Это было важнее, чем казалось.

Первая девушка подошла к Огню — и пламя вспыхнуло выше.

Парень у чаши Воды заставил поверхность задрожать кру-

гами.

Земля отзывалась тяжело, медленно.

Воздух — почти капризно.

Но дело было не в магии.

Лира начала замечать другое.

Стихии реагировали не на силу.

На что-то глубже.

Огонь тянулся к ярости.

Вода — к тем, кто привык молчать.

Воздух — к людям, которые уже наполовину жили мыслями где-то ещё.

Земля — к тем, кого трудно сдвинуть.

Это было похоже не на выбор оружия.

Скорее на узнавание.

Сиара Флейм вышла уверенно, будто весь зал принадлежал ей.

К чаше Огня она прикоснулась почти лениво.

Пламя рвануло вверх алым столбом.

По залу прошёл восхищённый шёпот.

Сиара улыбнулась уголком губ и отошла, даже не пытаясь скрыть удовольствие.

Следующим был тот самый коренастый парень с лестницы.

Земля под его ладонью треснула, и по чаше пополз зелёный мох.

Парень тихо присвистнул.

— Ну здравствуй, — пробормотал он.

Лири невольно усмехнулась.

Потом вперёд вышел Кайан Блэквуд.

И атмосфера в зале изменилась.

Не из-за него самого.

Из-за ожидания вокруг.

Лири впервые поняла, что значит слово «наследник».

На него смотрели не как на студента.

Как на будущего правителя.

Кайан двигался спокойно.

Без лишних жестов.

Без нервозности.

Он касался чаш по очереди.

Огонь молчал.

Вода молчала.

Земля оставалась неподвижной.

Когда его пальцы коснулись Воздуха —

весь зал вздрогнул.

Серебристый вихрь ударил под купол.

Свечи погасли и вспыхнули снова.

По полу прошла волна ветра.

У нескольких первокурсников разлетелись бумаги.

Воздух вокруг Кайана пел.

Не буквально.

Но Лира всё равно слышала.

Кайан убрал руку и сделал шаг назад.

Ни тени улыбки.

Будто так и должно быть.

Ректор перевёл взгляд на Лиру.

— Лира Эшфорд.

Тишина наступила мгновенно.

Она пошла к пьедесталу.

Босые ступни скользили по холодному камню.

С каждым шагом внутри нарастало странное ощущение.

Не страх.

Что-то другое.

Будто пространство вокруг становилось плотнее.

Лира остановилась перед чашами.

На секунду ей показалось, что они смотрят на неё.

Глупость.

Она протянула руку к Огню.

Пламя дёрнулось.
И уменьшилось.
Не погасло.
Сжалось.
Как зверь, который почуял что-то непонятное.
По залу прошёл шум.
Лира нахмурилась и коснулась Воды.
По поверхности пошла рябь.

Потом вода начала медленно темнеть.
Она отдёрнула руку.
Земля затвердела камнем.
Воздух рассеялся вовсе.
Тишина стала абсолютной.
— Что за...
— Это невозможно...
— Почему они...
Лира медленно обернулась к ректору.
Тот смотрел не на неё.
На пустое место под пьедесталом.
Очень внимательно.
Потом тихо сказал:
— Откройте нишу.
Никто не двинулся.
Ректор повторил:
— Немедленно.

Двое старших студентов переглянулись и подошли к пьедесталу.

Один явно не хотел прикасаться к камню.

Они с усилием вытащили тяжёлую чёрную плиту.

Из ниши пахло холодом.

Не обычным.

Глубоким.

Словно под залом много лет не было воздуха.

Там стояла пятая чаша.

Обсидиановая.

Покрытая пылью.

Почти чёрная даже в полумраке.

По залу пробежал настоящий страх.

— Она же запечатана...

— Ректор...

— Не надо...

Лира смотрела на чашу и чувствовала странное.

Не зов.

Не голос.

Скорее ощущение узнавания.

Как будто она подошла к двери, которую уже когда-то открывала.

Ректор не сводил с неё взгляда.

— Ты можешь отказаться, — произнёс он.

И впервые за всё время Лира услышала в его голосе не приказ.

Предупреждение.

Она посмотрела на зал.

На испуганных студентов.

На Ниссу, сжавшую руки.

На Сиару, побледневшую от ярости.

На Кайана.

Он смотрел прямо на неё.

Спокойно.

Но слишком внимательно.

Будто понимал:

сейчас произойдёт что-то, после чего назад уже не будет.

Лира медленно опустилась на колени перед нишей.

Пыль на крышке была нетронутой.

Очень старой.

Она провела по ней пальцами.

И на мгновение ей показалось, будто холод прошёл не по коже.

Глубже.

Крышка оказалась тяжёлой.

Когда Лира сдвинула её —
в зале погасла часть свечей.
Несколько человек вскрикнули.
Внутри чаши была темнота.
Не символическая.
Настоящая.
Слишком глубокая для маленького объёма.
Она двигалась.
Медленно.
Как чёрная вода.
Лира замерла.
И в этот момент поняла страшную вещь.
Это не было чем-то чужим.
Оно узнало её раньше, чем она успела испугаться.
Темнота поднялась по её пальцам.
Холодная.

Тягучая.

Живая.
Кто-то в зале начал молиться.
Четыре чаши одновременно дрогнули.
Огонь склонился вниз.

Вода ушла рябью к краям.

Воздух рассеялся.

Земля треснула.

Не подчинение.

Не страх.

Признание.

Ректор побледнел.

Совсем немного.

Но Лира заметила.

— Этого... не было раньше, — произнёс он очень тихо.

Темнота вокруг руки Леры медленно успокоилась.

Словно ждала её решения.

Лира сглотнула.

— И что теперь?

Никто не ответил сразу.

Потому что весь зал уже понял:

что-то пошло не так.

Или наоборот —

слишком правильно.

Глава 6. Холодный приём

После Церемонии Лира впервые поняла, как выглядит настоящий страх.

Не крики. Не паника.

Тишина.

Студенты покидали Главный Зал быстро, стараясь не смотреть в её сторону. Кто-то отворачивался слишком резко. Кто-то, наоборот, косился украдкой, будто проверяя: не изменилось ли у неё лицо, не почернели ли глаза, не ползёт ли по коже что-нибудь живое.

Один парень у выхода едва не выронил амулет, когда Лира прошла мимо.

Она ничего не сказала.

Ректор исчез почти сразу после объявления. Преподаватели — тоже. Только служители в серых мантиях торопливо накрыли пятую чашу тяжёлой каменной крышкой, словно боялись даже смотреть на неё лишнюю секунду.

Лира осталась одна посреди огромного зала.

Четыре стихии постепенно приходили в себя.

Огонь снова дрожал в своей чаше — слабее прежнего. Вода успокоилась, но её поверхность всё ещё мелко подрагивала. Воздух больше не кружил — лишь иногда шевелился короткими нервными порывами.

Будто все они чего-то ждали.

Или кого-то.

Ли́ра медленно перевела взгляд вниз — туда, где под каменной плитой скрыли пятую чашу.

Под сердцем снова появилось то странное ощущение.

Не голос.

Не мысль.

Скорее... присутствие.

Словно внутри неё теперь существовало что-то ещё. Не чужое. Но и не до конца понятное. Что-то, что смотрело на мир вместе с ней.

От этого становилось не по себе.

— Эшфорд.

Она обернулась.

Кайан Блэквуд стоял у выхода из зала.

Один.

Серебристая мантия лежала идеально ровно, будто он вообще не двигался всё это время. На фоне остальных студентов он казался почти ненастоящим — слишком спокойным, слишком собранным.

Он смотрел прямо на неё.

Без отвращения.

Это раздражало сильнее.

— Что? — спросила Ли́ра.

Кайан медленно подошёл ближе. Его шаги почти не звучали на камне.

— Я пытаюсь понять, — произнёс он.

— Что именно?

— Почему тебя не разорвало.

Ли́ра прищурилась.

— Отличное знакомство.

— Я серьёзно.

Он говорил спокойно. Без насмешки.

И именно это настораживало.

— Любой нестабильный источник силы должен был сорваться, — продолжил Кайан. — Особенно после пробуждения. Но ты стоишь здесь так, будто ничего не произошло.

— А должно было?

— Обычно да.

Ли́ра почувствовала, как внутри снова шевельнулось то присутствие. Очень тихо. Будто прислушивалось к разговору вместе с ней.

Она не подала вида.

— Значит, мне повезло.

— Нет, — сказал Кайан. — Мне кажется, дело не в везении.

Несколько секунд они просто смотрели друг на друга.

Ли́ра вдруг поймала себя на странной мысли: рядом с ним внутри становилось... громче.

Мир словно приобретал дополнительную глубину. Она всё ещё видела зал, чаши, мрамор, свет под куполом — но одновременно ощущала что-то ещё. Не глазами. Иначе.

Как будто за привычной картиной скрывался второй слой.

Невидимый.

И Кайан каким-то образом тоже к нему относился.

Эта мысль пришла и тут же испугала её.

— Насмотрелся? — холодно спросила Лира.

Уголок его губ едва заметно дрогнул.

— Пока нет.

Он развернулся и ушёл.

Лира смотрела ему вслед чуть дольше, чем собиралась.

Потом резко выдохнула и направилась к западному крылу.

Комната 317.

Западное крыло оказалось совсем не похоже на парадные залы академии.

Здесь пахло сыростью, старым деревом и пылью. Светильники под потолком горели тускло и через один. Каменные стены местами покрывали тонкие трещины.

Здесь селили не тех, кем гордились.

Лира нашла нужную дверь и толкнула её плечом.

В комнате уже кто-то был.

Невысокая светловолосая девушка сидела на кровати, прижав к груди книгу. Увидев Лиру, она дёрнулась так резко, будто ожидала удара.

— Я... — начала она и запнулась.

Лира молча закрыла дверь.

Комната была маленькой: две кровати, узкое окно, шкаф с перекошенной дверцей, стол у стены. Никакой роскоши.

Но после трупоб это всё равно казалось чем-то невозможным.

Собственная кровать.

Без крыс.

Без чужих сапог рядом с лицом.

Без необходимости спать вполглаза.

— Я Лира, — сказала она наконец. — Просто Лира.

Девушка сглотнула.

— Нисса Вейл.

Голос тихий. Осторожный.

Человек, привыкший никому не мешать.

— Ты боишься меня? — прямо спросила Лира.

Нисса честно кивнула.

— Немного.

— Только немного?

Нисса неожиданно нервно фыркнула.

— После того, что сегодня было... это уже хороший результат.

Лира впервые за день почувствовала слабое желание улыбнуться.

Очень слабое.

Она села на кровать. Пружины жалобно скрипнули.

Ноги гудели. Голова тоже.

Всё произошедшее начинало догонять её только сейчас.

Четыре чаши.

Реакция зала.

Лицо ректора.

И то новое ощущение внутри, которое никак не исчезало.

Нисса осторожно наблюдала за ней.

— Про тебя уже все говорят, — призналась она.

— И что говорят?

— Что ты либо погибнешь до зимы... либо станешь катастрофой.

— Уютное место.

Нисса снова издала короткий смешок — и тут же испуганно прикрыла рот, будто смех здесь тоже считался нарушением.

Лири откинулась к стене и прикрыла глаза.

И почти сразу поняла, насколько голодна.

Настоящий голод — тупой, тяжёлый, привычный.

Она не ела со вчерашнего утра.

Желудок свело так резко, что захотелось выругаться.

— Где здесь кормят? — спросила она.

— Столовая закрыта после Церемонии, — ответила Нисса. — Но можно пройти на кухню через служебный коридор. Если повезёт.

— Тогда идём.

Они шли по пустым коридорам почти молча.

Нисса постоянно оглядывалась. Ли́ра замечала это, но ничего не говорила.

Страх нельзя выключить по приказу.

Она сама слишком хорошо это знала.

У поворота к кухне Нисса внезапно остановилась.

Из-за двери слышались голоса.

— ...позор для всех кланов, — раздражённо говорила Сиара. — Стихии склонились перед какой-то оборванкой.

— Ректор явно что-то скрывает, — ответил другой голос.

— Мне всё равно, что скрывает ректор.

Огонь в этих словах слышался даже без магии.

Ли́ра толкнула дверь.

Разговор оборвался.

Кухня оказалась тёплой, тесной и ярко освещённой. На столах лежали мешки с мукой, связки трав, деревянные подносы.

Сиара стояла у окна.

Рядом — ещё двое студентов.

И Грейв.

Он сидел прямо на подоконнике и лениво перекатывал между пальцами каменный шарик.

Единственный, кто выглядел не напряжённым.

— А вот и причина сегодняшнего безумия, — спокойно заметил он.

Сиара медленно повернулась к Ли́ре.

В её ладони уже вспыхнул огонь.

Небольшой.

Но очень горячий.

— Ты подслушивала.

— Ты говоришь так громко, будто хочешь, чтобы тебя слышали.

Огонь в руке Сиары дёрнулся выше.

Нисса рядом с Лирой практически перестала дышать.

— Осторожнее, Флейм, — лениво произнёс Грейв. —

Ректор просил без трупов в первый день.

— Я не собираюсь её убивать, — холодно ответила Сиара.

Она подошла ближе.

Слишком близко.

Лира почувствовала жар её магии ещё до того, как огонь вырос сильнее.

И одновременно — что-то другое.

То второе восприятие снова открылось внутри на короткий миг.

Она увидела не только пламя.

Она увидела страх за ним.

Страх потерять место.

Страх оказаться слабее.

Страх перед тем, чего Сиара не понимала.

Мир на секунду словно стал глубже.

Потом ощущение исчезло.

Лира моргнула.

Сиара этого не заметила.

— Я уничтожу тебя, — тихо сказала она. — Не сейчас.
Позже. Но обязательно.

Без истерики.

Без пафоса.

Именно поэтому слова прозвучали серьёзно.

Лирично медленно посмотрела ей в глаза.

В Нижнем Квартале она давно усвоила одну вещь: самые опасные люди редко повышают голос.

— Попробуй, — спокойно ответила она.

И всё.

Никакой бравады.

Никакой угрозы в ответ.

Только правда.

На секунду кухня застыла.

Сиара первой отвела взгляд.

Совсем немного. Почти незаметно.

Но Лирично увидела.

Рыжая резко развернулась и вышла.

Двое остальных поспешили следом.

Дверь хлопнула.

Нисса шумно выдохнула.

— Ты вообще понимаешь, с кем сейчас говорила?

— С избалованной девушкой с огнём.

— Это Сиара Флейм.

— Я заметила.

Грейв хмыкнул и спрыгнул с подоконника.

— А ты интереснее, чем кажешься, Эшфорд.

— Все сегодня очень любят это повторять.

— Потому что обычно люди либо ломаются, либо начинают изображать монстров. А ты пока не решила, кем быть.

Он сунул каменный шарик в карман и направился к выходу.

У двери остановился.

— Это хорошее качество. Для выживания.

И ушёл.

Несколько секунд на кухне было тихо.

Потом Нисса осторожно подошла к полкам и достала хлеб и кусок сыра.

— Если нас поймают, будет наказание, — предупредила она.

— Тогда давай есть быстрее.

Они устроились за столом друг напротив друга.

За окном уже окончательно стемнело. Ветер гудел между шпилями академии, словно огромный зверь бродил где-то в темноте.

Лира ела медленно, стараясь не думать ни о Церемонии, ни о странном ощущении внутри, ни о взгляде Кайана Блэквуда.

Но мысли всё равно возвращались.

Что-то изменилось.

Не вокруг.

Внутри неё самой.

И это пугало сильнее академии.

Глава 7. Первое столкновение

Полигон оказался больше, чем Лира ожидала.

Не учебный зал — почти арена.

Высокие своды уходили вверх во тьму, теряясь за цепями и подвесными платформами. По периметру дрожали защитные барьеры — полупрозрачные, слабо мерцающие. Песок под ногами был не жёлтым, а почти белым, речным, тщательно просеянным.

Здесь тренировались люди, которых готовили не для красивых дуэлей.

Для войны.

Лира почувствовала это сразу.

Первокурсники выстраивались в шеренги вдоль разметки. Кто-то нервничал. Кто-то пытался выглядеть уверенно. Кто-то уже смотрел на соседей как на будущих противников.

Нисса стояла рядом и тербила рукав мантии так сильно, что ткань мялась под пальцами.

— Почему все выглядят так, будто идут на казнь? — тихо спросила Лира.

— Потому что Торвальд любит ломать людей в первый месяц.

— Обнадёживает.

— Ты ещё не видела старшекурсников после его экзаменов.

У дальней стены распахнулась боковая дверь.

И полигон мгновенно стих.

Профессор Торвальд двигался тяжело, почти лениво, но пространство будто само расступалось перед ним. Огромный, широкоплечий, с коротко остриженными седыми волосами и шрамом через подбородок.

На нём не было ни украшений, ни знаков клана.

Только тёмно-алая мантия с эмблемой академии.

Человек, которому не нужно ничего доказывать.

Он остановился перед строем и несколько секунд молча смотрел на студентов.

Лира внезапно поняла, что он оценивает не лица.

Слабости.

— Первое правило полигона, — произнёс Торвальд. Голос низкий, сухой. — Если боитесь — бой уже проигран.

Он медленно прошёл вдоль шеренги.

— Второе правило: мне плевать, кто ваши родители.

Короткая пауза.

— Третье правило: если кто-то из вас решит устроить дуэль насмерть без моего разрешения — я лично закопаю обоих под этим песком.

Несколько человек нервно усмехнулись.

Торвальд не улыбнулся.

— Сегодня смотрю базу. Реакция. Контроль. Инстинкты. Поединки один на один. Бой до касания. Без калечащих техник.

Его взгляд остановился на Лире.

Всего на секунду.

Но этого хватило.

— Без скидок для новеньких чудовищ тоже, — спокойно добавил он.

По рядам пробежало напряжение.

Лира ничего не ответила.

Первой вызвали Сиару.

Она вышла в круг с таким видом, будто полигон принадлежал ей по праву рождения.

Её противником оказался худой маг Земли — явно сильнее большинства первокурсников, но недостаточно для неё.

Огонь появился у Сиары мгновенно.

Красивый.

Слишком красивый.

Не стихийный — выученный. Отточенный. Пламя человека, которого обучали с детства лучшие наставники.

Парень даже не успел закончить защитную форму.

Ударная волна швырнула его через половину полигона. Барьер вспыхнул от столкновения. Песок местами оплавился стеклянной коркой.

Сиара поправила рукав мантии.

Будто ничего особенного не произошло.

Торвальд поморщился.

— Флейм. Меньше театра.

— Он устоял, — спокойно ответила она.

— Чудом.

Она едва заметно улыбнулась и вернулась в строй.

Следующим вышел Грейв.

Лира заметила, что он до сих пор перекатывает в пальцах тот самый каменный шарик.

Почти без остановки.

Привычка. Или концентрация.

Его бой закончился быстро.

Без эффектов.

Противник шагнул вперёд — и песок под ногами внезапно затвердел, вздыбился и захлопнулся вокруг лодыжек, как каменный капкан. Через секунду парень уже лежал лицом вниз.

Грейв даже не вспотел.

— Неплохо, — бросил Торвальд.

— Спасибо, что не умерли от восторга, профессор, — лениво ответил Грейв.

Угол рта Торвальда дёрнулся.

Похоже, это у него считалось улыбкой.

Когда вызвали Ниссу, та побледнела так резко, будто у неё откачали кровь.

Лира видела, как дрожат её пальцы.

Воздушник напротив выглядел самоуверенно. Из богатых. Из тех, кто тренировался раньше, чем научился читать.

— Начали.

Парень ударил первым.

Воздух треснул короткими разрядами. На полигоне запахло металлом и озоном.

Нисса застыла.

На секунду Лире показалось, что та сейчас просто расплачется.

Но затем произошло странное.

Нисса закрыла глаза.

Не от страха.

Скорее... от перегрузки.

Как человек, который перестаёт пытаться всё контролировать.

Вода вырвалась резко и неуклюже — огромной волной, с брызгами во все стороны. Никакой красоты. Никакой техники.

Только сила.

Воздушника смело с ног и протащило через весь круг.

Полигон взорвался смехом.

Не злым.

Облегчённым.

Нисса растерянно открыла глаза и посмотрела на собственные руки так, будто впервые их увидела.

— Вейл, — произнёс Торвальд. — Хватит бояться себя.

Нисса уставилась на него в полном шоке.

Похоже, это было самое доброе, что он говорил за последние лет десять.

Торвальд посмотрел в список.

Пауза затянулась.

— Блэквуд. Эшфорд.

На полигоне стало тихо.

Очень тихо.

Лира почувствовала, как напряглись люди вокруг.

Кайан вышел в круг спокойно.

Слишком спокойно.

На нём не было ни капли той нервозности, что у остальных.

Воздух вокруг него слегка дрожал, и Лира внезапно поняла: он не призывает силу.

Он постоянно живёт внутри неё.

Разница была огромной.

Лира вышла напротив.

Песок под ногами оказался неожиданно тёплым.

Кайан смотрел прямо на неё.

Без насмешки.

Без высокомерия.

Именно сейчас — впервые — он воспринимал её всерьёз.

— Бой до касания, — повторил Торвальд. — Без смер-

тельных техник. Если кто-то из вас разрушит мне полигон — будете восстанавливать руками.

Никто не засмеялся.

— Начали.

Кайан исчез.

Не метафорически.

В одно мгновение стоял напротив — в следующее его уже не было.

Лира отреагировала раньше, чем осознала.

Тело ушло в сторону само.

Воздух рассёк пространство рядом с шеей.

Она перекатилась по песку и вскочила.

Кайан уже стоял в нескольких метрах.

Спокойный.

Собранный.

Опасный.

— Хорошая реакция, — сказал он.

И снова исчез.

На этот раз Лира увидела чуть больше.

Не движение.

Намерение.

Мир словно на миг раздвоился.

Обычное зрение показывало пустоту.

Но второе ощущение — то странное, новое — уловило смещение пространства.

Она пригнулась.

Воздушное лезвие прошло над головой.

Ещё одно ударило справа.

Потом снизу.

Он не пытался ранить.

Он изучал.

Проверял пределы.

Лира отступала, уклонялась, чувствовала, как дыхание становится тяжёлым.

Кайан давил постепенно.

Методично.

Как человек, привыкший побеждать.

Песок за спиной упёрся в барьер.

Тупик.

Кайан медленно поднял руку.

Воздух вокруг Лиры внезапно сгустился.

Рёбра сдавило.

Лёгкие перестали нормально раскрываться.

Не боль.

Хуже.

Контроль.

Она попыталась вдохнуть — и не смогла полностью.

Полигон начал расплываться.

Кайан подошёл ближе.

Очень медленно.

— Сдавайся, — тихо сказал он.

Теперь Лира поняла.

Он специально не касался её.

Хотел, чтобы она попросила.

При всех.

Что-то внутри неё дрогнуло.

Не злость.

Не ярость.

Она вдруг ясно почувствовала: если сейчас поддастся страху — проиграет не бой.

Себя.

Мир снова стал глубже.

Два слоя.

Один — привычный.

Песок. Люди. Полигон.

Второй — скрытый. Текучий. Странный. Где всё было связано иначе.

Лира не потянулась к силе.

Она просто перестала ей сопротивляться.

И нечто внутри ответило.

Спокойно.

Без вспышки.

Без пафоса.

Давление на лёгкие исчезло.

Нет.

Не исчезло.

Она просто перестала задыхаться.

Будто тело внезапно вспомнило другой способ существо-

вать.

Глаза Кайана изменились.

Впервые.

Настоящее удивление.

Ли́ра шагнула вперёд.

Его воздушный барьер возник мгновенно — плотный, серебристый.

И тут произошло то, чего она сама не поняла.

Барьер не разбился.

Не рассеялся.

Он словно... утратил значение.

Как рисунок мелом под дождём.

Ли́ра прошла сквозь него.

Полигон ахнул.

Песок взметнулся вокруг них короткой чёрной пылью.

На секунду мир стал почти бесцветным.

А потом всё стихло.

Ли́ра обнаружила, что стоит вплотную к Кайану.

Её ладонь лежала у него на груди.

Прямо над сердцем.

Она чувствовала его удары.

Слишком быстрые для человека, который ещё секунду назад полностью контролировал бой.

И снова — это странное ощущение.

Внутри что-то тянулось к нему.

Не как хищник.

Не как оружие.

Словно узнавало.

Кайан смотрел на неё сверху вниз — и впервые за всё время не знал, что сказать.

— Касание, — произнесла Лира тихо.

Тишина на полигоне стала почти оглушительной.

Торвальд медленно выдохнул.

— Победа Эшфорд, — объявил он.

Никто не задвигался сразу.

Даже старшекурсники.

Лира убрала руку и сделала шаг назад.

Кайан всё ещё смотрел на неё так, будто видел впервые.

— Что ты такое? — спросил он едва слышно.

Лира помолчала.

Потом честно ответила:

— Не знаю.

И это была самая страшная правда из всех возможных.

Глава 8. Урок Выживания

Аудитория элементарной магии оказалась меньше, чем Лира ожидала.

После полигона — почти тесной.

Низкий потолок. Узкие окна, пропускающие серый утренний свет. Тёмные деревянные столы со следами старых ожогов, царапин и вырезанных инициалов. В воздухе стоял запах воска, мокрой бумаги и чего-то металлического — будто здесь слишком часто пользовались магией, которая оставляет следы не только в камне.

Лира вошла одной из последних.

Разговоры стихли не сразу. Сначала кто-то понизил голос. Потом другой. К моменту, когда она села у стены, в аудитории стало почти тихо.

Не потому что её ненавидели.

Пока ещё нет.

Просто никто не понимал, что делать с её существованием.

На соседнем столе Нисса нервно раскладывала перья и чернильницу, будто готовилась не к уроку, а к операции.

— Доброе утро, — сказала она слишком быстро.

— Утро.

Нисса покосилась на неё.

— После вчерашнего про тебя говорят вообще везде.

— Верю.

— Сиара заявила, что ты сломаешь половину академии до зимы.

— Только половину?

Нисса неожиданно фыркнула. Тут же испугалась собственного смеха и уткнулась в стол.

Дверь открылась.

Магистр Ирэн вошла без шума — и аудитория выпрямилась сама собой.

Высокая. Очень худая. Серебристые волосы стянуты назад так туго, словно это удерживало лицо от трещин. Мантия Воздуха — светлая, без украшений. Ни колец, ни амулетов. Только тонкий металлический браслет на левом запястье.

Она не производила впечатления сильного мага.

Она производила впечатление человека, который привык всё контролировать.

И это было опаснее.

— Элементарная магия, — произнесла Ирэн, проходя между столами. Голос сухой, ровный. — Основа любого дальнейшего обучения. Кто не способен удержать простейшую форму — не способен удержать ничего.

Она остановилась у первого стола.

Перед студентом Огня легла тонкая свеча.

У следующего — стеклянная плошка с водой.

Дальше — горсть семян.

Перо.

Камень.

Всё выглядело логично. Почти скучно.

Когда Ирэн подошла к Лире, движение впервые сбилось.

В её руках был уголёк.

Небольшой. Чёрный. Мёртвый.

Не тлеющий.

Не дымящийся.

Просто кусок угля.

Ирэн положила его на стол перед Лирой и несколько секунд молчала.

В аудитории стало ещё тише.

— В учебниках о вашей стихии почти ничего нет, — сказала она наконец. Не холодно. Не зло. Просто честно. — Старые записи противоречат друг другу. Большая часть утрачена.

Лира смотрела на уголёк.

— И что мне делать?

— Говорят, ваша сила связана с угасанием. Попробуйте погасить его.

Лира подняла взгляд.

— Он не горит.

— Я знаю.

Ирэн уже отвернулась.

Будто это был эксперимент, результат которого заранее никого не устраивал.

По аудитории прошёл осторожный шорох.

— Начинайте.

Студенты задвигались.

Свечи вспыхивали.

Капли воды дрожали в воздухе.

Семена медленно трескались, выпуская белые корни.

Нисса, закусив губу, пыталась провести тонкую струйку воды вдоль нарисованной линии. Вода дёргалась, расплзлась, капала на стол, но Нисса упрямо начинала снова.

Лира смотрела на уголёк.

Ничего не происходило.

Она попробовала сосредоточиться — так, как делали остальные. Представить. Потянуться к силе.

Пусто.

Под сердцем было тихо.

Не враждебно.

Скорее безразлично.

Будто Тьма наблюдала за её попытками с ленивым интересом.

Лира нахмурилась.

Сильнее сжала пальцы.

Уголёк не изменился.

На соседнем столе вспыхнула свеча, и кто-то тихо ахнул от восторга.

Лира раздражённо выдохнула.

«Погаси уголёк».

Как будто она вообще понимала, что делает.

Вторая попытка.

Она перестала давить.

Просто коснулась угля пальцами.

Холодный.

Но не обычный холод.

Глубокий.

Будто уголёк давно лежал в месте, куда никогда не попадал свет.

Что-то внутри шевельнулось.

Очень слабо.

Уголёк потемнел.

Лира моргнула.

Нет — не потемнел.

Он стал... менее существующим.

Края будто потеряли чёткость.

Она отдёрнула руку.

И всё вернулось обратно.

— Проблемы, Эшфорд? — донёлся спокойный голос Ирэн.

Лира подняла голову.

Магистр стояла в другом конце аудитории, но смотрела прямо на неё.

— Не понимаю, что должна делать.

— Это нормально.

Но прозвучало это не утешающе.

Скорее как диагноз.

Ли́ра снова посмотре́ла на уго́лёк.

Внутри начинало подниматься раздражение.

Не на Ирэн.

На себя.

На эту силу.

На постоянное ощущение, будто она стоит перед дверью, которая иногда открывается сама — и никогда, когда её просят.

«Ну же».

Тишина.

«Если ты вообще есть».

И тогда Тьма откликнулась.

Не вспышкой.

Не голосом.

Скорее лёгким движением внимания.

Как человек, которого отвлекли от сна чем-то нелепым.

Ли́ра почувствовала, как по коже проходит холод.

Мир на секунду стал глубже.

Не темнее.

Именно глубже.

Она увидела уго́лёк иначе.

Не как предмет.

Как след.

Как остаток чего-то уже умершего.

И вдруг совершенно ясно поняла:

гасить там нечего.

Уголёк уже закончил гореть.

Поэтому Тьма сделала единственное, что оставалось.

Убрала остаток.

Уголёк исчез.

Без вспышки.

Без дыма.

Без звука.

Просто перестал быть.

На столе осталось идеально чистое пятно среди старых царапин.

Лира медленно убрала руку.

В аудитории кто-то шумно вдохнул.

Нисса застыла с каплей воды в воздухе.

Ирэн подошла быстро. Слишком быстро для человека, который всё контролирует.

Посмотрела на пустое место.

Долго.

Очень долго.

— Где уголёк? — спросила она наконец.

— Я его погасила.

— Нет.

Первый раз за урок в её голосе появилась эмоция.

Очень слабая.

Но настоящая.

— Вы не погасили его.

Лира нахмурилась.

— А что тогда?

Ирэн подняла взгляд.

И впервые посмотрела на Лиру по-настоящему.

Не как преподаватель на проблему.

Как человек на нечто, чего не понимает.

— Вы убрали сам остаток процесса, — произнесла она тихо. — Не огонь. Не тепло. Сам факт того, что он когда-то горел.

Тишина в аудитории стала тяжёлой.

— Покажите ещё раз, — сказала Ирэн.

Лира посмотрела на пустой стол.

Потом на свои руки.

— Я не знаю, как сделала это.

И это была правда.

Ирэн молчала несколько секунд.

Потом очень аккуратно положила перед ней второй уголёк.

Лира коснулась его.

Ничего.

Ещё раз.

Пусто.

Тьма ушла так же внезапно, как появилась.

Словно потеряла интерес.

Уголёк остался лежать на месте.

Ирэн смотрела на это с каким-то странным облегчением.

Будто хотела убедиться, что произошедшее всё ещё может

быть случайностью.

— На сегодня достаточно, — сказала она ровно.

Занятие продолжилось.

Но атмосфера уже изменилась.

Студенты украдкой смотрели на Лиру.

Никто не шептался.

Это было хуже.

Ирэн больше ни разу не подошла к её столу.

И ни разу не посмотрела в её сторону.

Когда прозвенел колокол окончания занятия, остальные вышли быстро.

Слишком быстро.

Нисса задержалась у двери.

— Ты идёшь?

— Сейчас.

Нисса кивнула и исчезла в коридоре.

Ирэн закрыла книгу.

Не поднимая глаз, произнесла:

— Эшфорд. Оставайтесь.

Лири осталась стоять у стола.

За окном шумел ветер.

Где-то далеко гудели шпиди.

Ирэн долго молчала.

Потом сказала:

— Я преподаю двадцать два года.

Ли́ра ждала продолжения.

— Я видела талантливых студентов. Опасных студентов. Нестабильных. — Пауза. — Но я всегда понимала, что именно они делают.

Она наконец подняла взгляд.

Серые глаза были холодными.

И очень уставшими.

— Вас я не понимаю.

— Я тоже себя не понимаю.

— Это меня не успокаивает.

Ли́ра молчала.

Ирэ́н провела пальцами по металлическому браслету.

Нервный жест. Первый живой жест за всё занятие.

— Сила, которая приходит раньше понимания, редко заканчивается хорошо, — сказала она тихо. — Особенно такая.

— Какая?

Ирэ́н посмотрела на пустое место на столе.

— Та, которая не разрушает. Та, которая отменяет.

По спине Ли́ры прошёл холод.

Не от угрозы.

От узнавания.

Будто Тьма внутри неё услышала правильное слово.

Отменяет.

— Я направлю запрос ректору, — продолжила Ирэ́н уже

привычным сухим голосом. — Вас переведут на индивидуальное обучение.

— Вы отказываетесь меня учить?

— Я отказываюсь делать вид, что понимаю, чему должна вас учить.

Это прозвучало страшнее прямого отказа.

Лири медленно надела сюртук.

Подошла к двери.

— Магистр.

Ирэн подняла взгляд.

— Вы боитесь не меня.

Тишина.

— Нет, — ответила Ирэн после паузы. — Вас — нет.

И впервые за весь разговор в её голосе прозвучала честность, от которой становилось не по себе.

— Я боюсь того, что может посмотреть на мир вашими глазами через несколько лет.

Лири ничего не ответила.

Открыла дверь и вышла в коридор.

Нисса ждала у окна, прижимая к груди книги.

— Что она сказала?

Лири задумалась на секунду.

— Что я слишком быстро учусь.

Нисса просияла.

— Так это же хорошо.

Лири посмотрела в окно.

На далёкие шпили.

На грозное небо над академией.

На мир, который с каждым днём становился всё менее понятным.

— Нет, — тихо сказала она. — Не всегда.

Глава 9. Сделка с Тенью

Стук раздался глубокой ночью.

Три коротких удара.

Не громких.

Но таких, после которых сон исчезает сразу.

Лира открыла глаза мгновенно.

Рука дёрнулась к голени — туда, где раньше под штаниной всегда лежала заточка.

Пальцы сжали пустоту.

Академия.

Комната 317.

Западное крыло.

Рядом тихо сопела Нисса.

Стук повторился.

Лира медленно села на кровати.

В комнате было темно — только полоска лунного света лежала на полу между кроватями. За окном ветер гнал облака над шпилями.

— Кто? — тихо спросила она.

Небольшая пауза.

— Открой, Эшфорд. Разговор есть.

Кайан.

Лира несколько секунд молчала.

Потом встала, накинула сюртук и подошла к двери.

Открыла.

Кайан Блэквуд стоял в полутёмном коридоре без своей се-ребристой мантии.

Простой тёмный камзол.

Расстёгнутый ворот.

Никаких гербов.

Никакого наследника клана Воздуха.

Только очень уставший парень с серыми глазами, в кото-рых впервые не было привычного холодного контроля.

Лира прислонилась плечом к косяку.

— Ты пришёл ночью. К девушке. В общежитие.

— Стены слушают. Особенно здесь.

— Это должно меня успокоить?

— Нет.

Честный ответ.

Лира посмотрела на него внимательнее.

Он выглядел плохо.

Не внешне.

Глубже.

Как человек, который слишком долго не спал.

— Чего тебе надо?

Кайан скользнул взглядом внутрь комнаты — на спящую Ниссу — и тихо сказал:

— Не здесь.

Они вышли в конец коридора.

Западное крыло ночью казалось почти заброшенным. Один светильник из трёх не работал. Каменные стены тонули в полумраке.

Балкон оказался маленьким — выступ над внутренним двором академии. Отсюда были видны шпили.

И обрубок пятого.

Ночной воздух оказался холодным.

И пах озоном.

Не грозой.

Им.

Кайан остановился у перил.

Некоторое время молчал.

Лири не торопила.

Люди вроде него не приходят просить легко.

А он пришёл именно просить.

Наконец Кайан сказал:

— После церемонии ты что-то почувствовала?

— Смотря о чём ты.

— Во мне.

Тьма под сердцем шевельнулась раньше, чем Лири успела ответить.

Тихо.

Узнавающе.

Она нахмурилась.

— Продолжай.

Кайан медленно поднял левую руку.

На ладони тянулась тонкая чёрная линия.

Почти незаметная.

Как трещина на фарфоре.

Лира застыла.

Линия дрогнула.

Из неё вытекла тонкая чёрная нить — маленькая, слабая, почти прозрачная в ночном воздухе.

Но живая.

Не тень.

Не иллюзия.

Тьма.

Настоящая.

Лира почувствовала, как внутри всё напряглось.

Не страх.

Скорее ощущение, будто две части чего-то когда-то разделённого внезапно оказались рядом.

Кайан резко сжал кулак.

Нить исчезла.

— Что это? — спросила Лира тихо.

— Хотел бы я знать.

Он смотрел на свою ладонь с плохо скрываемым раздражением.

— Воздух говорит со мной с трёх лет. Я знаю, как ощущается собственная стихия. Она... естественная. Понятная.

Он поднял взгляд.

— Это другое.

— Как другое?

Кайан помолчал секунду.

Подбирал слова.

— Воздух слушается. Даже когда сопротивляется — всё равно слушается. Это... просто есть. И становится больше.

Ветер дёрнул его волосы.

— После церемонии?

— Началось раньше. Слабо. Иногда. Я думал — побочный эффект тренировок. Или проклятие.

— А теперь?

Он усмехнулся без тени веселья.

— Теперь я просыпаюсь среди ночи от того, что воздух в комнате перестаёт двигаться.

Ли́ра молчала.

Тьма внутри неё была тихой.

Слишком тихой.

Слушала.

— Почему пришёл ко мне? — спросила она наконец.

Кайан посмотрел прямо ей в глаза.

— Потому что ты единственная, кто не делает вид, будто понимает это лучше меня.

Это был хороший ответ.

Слишком хороший для человека, который привык говорить осторожно.

— И ещё? — спросила Ли́ра.

Он понял сразу.

Она не купилась.

Кайан отвёл взгляд к шпилям.

— Я изучал всё, что смог найти о тебе. Архивы. Старые записи. Разговоры преподавателей.

— И что выяснил?

— Что ректор не знает, что с тобой делать.

— Это я и сама поняла.

— И что остальные боятся тебя настолько, что скоро начнут делать глупости.

Тут он был прав.

Сиара уже начала.

Кайан продолжил:

— Ты не выживешь здесь одна.

Лири тихо хмыкнула.

— А ты, значит, выживешь?

Впервые за разговор он чуть улыбнулся.

Очень слабо.

— Пока получается.

Пауза.

Потом:

— Мне нужна твоя помощь.

Вот.

Наконец.

Он всё-таки произнёс это вслух.

Лири оперлась спиной о холодный камень стены.

— А мне что нужно?

Кайан ответил сразу.

Будто думал об этом заранее.

— Защита.

— От кого?

— От всех.

Он не преувеличивал.

И оба это понимали.

— Ты предлагаешь сделку, Блэквуд.

— Я предлагаю взаимовыгодное—

— Это называется сделка. Просто скажи слово.

Тишина.

Гордость боролась в нём несколько секунд.

Потом он медленно произнёс:

— Сделка.

Лира посмотрела на него внимательно.

Аристократ.

Наследник.

Один из сильнейших студентов академии.

И стоит сейчас перед ней ночью без мантии и просит по-
мощи.

Мир действительно сошёл с ума.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда слушай условия.

Кайан выпрямился чуть сильнее.

Инстинктивно.

Как человек, готовящийся к удару.

— Первое. Я не слуга. Ты не приказываешь мне. Не решаешь за меня. Не пытаешься контролировать.

— Принято.

Без колебаний.

Это удивило её сильнее, чем должно было.

— Второе. Об этом никто не узнает.

— Тем более.

— Третье.

Она помолчала.

— Ты учишь меня.

Теперь пауза возникла уже у него.

— Чему именно?

— Всему, что знают такие как ты и не знаю я.

Кайан нахмурился.

— Это слишком расплывчато.

— Тогда конкретнее. История кланов. Политика академии. Правила. Магия. Всё, что аристократы выпитывают с детства.

Ветер ударил сильнее.

Где-то далеко прогремел гром.

Кайан смотрел на неё несколько секунд.

Потом тихо сказал:

— Ты торгуешься лучше, чем большинство людей, которых я знаю.

— Я выросла на рынке Нижнего Квартала. Там быстро учатся.

Он кивнул.

Принял.

Лира заметила это сразу.

Не сделал вид.

Не попытался обесценить.

Принял как равную сторону сделки.

Это было... неожиданно.

— И последнее, — сказала она.

— Да?

— Я не обещаю, что смогу тебе помочь.

Впервые за весь разговор Кайан выглядел по-настоящему честным.

— Я тоже.

Тьма внутри неё едва заметно шевельнулась.

Не предупреждение.

Скорее согласие.

Как будто ей нравилось происходящее больше, чем самой Лире.

Это настораживало.

Кайан протянул руку.

Лира посмотрела на ладонь.

На тонкую чёрную трещину.

— Ты серьёзно хочешь скрепить сделку этой рукой?

— Символично.

— Или очень глупо.

— Возможно.

Она медлила секунду.

Потом всё-таки пожала его руку.

Холод.

Не обычный.

Глубокий.

Тьма внутри неё сразу потянулась к нему.

Не жадно.

Не агрессивно.

С интересом.

И Лира внезапно поняла кое-что неприятное:

это чувство было взаимным.

Кайан тоже замер на мгновение.

Слишком коротко для обычного человека.

Но недостаточно коротко для неё.

Он почувствовал.

Они одновременно разжали руки.

Никто ничего не сказал.

Дождь начался неожиданно.

Редкий.

Холодный.

Первые капли застучали по камню балкона.

Кайан сделал шаг назад.

— Завтра после занятий, — сказал он. — Восточная биб-

блиотека. Нижний уровень.

— Это приглашение?

— Это начало сделки.

Ли́ра кивнула.

Он развернулся и ушёл по тёмному коридору.

Тихо.

Почти бесшумно.

Только запах озона ещё несколько секунд оставался в воздухе.

Ли́ра осталась одна на балконе.

Дождь постепенно усиливался.

Внизу шумел внутренний двор академии.

Где-то далеко ветер гудел между шпилями.

Она смотрела на свою ладонь.

Обычная кожа.

Ничего не изменилось.

Но Тьма под сердцем всё ещё помнила прикосновение.

Глава 10. Тёмные Техники

Ночью академия звучала иначе.

Днём «Штормовой Предел» жил голосами, шагами, вспышками стихий, звоном стали на полигонах. Ночью всё это уходило куда-то под камень. Оставался только ветер — далёкий, высокий, гуляющий между шпильями.

И библиотека.

Она не спала.

Лира поняла это сразу, как только вошла под своды северного крыла. Огромные двери были приоткрыты ровно настолько, чтобы человек мог проскользнуть боком. Внутри горел один дежурный светильник на целую секцию — тусклый, янтарный, почти бесполезный.

Стеллажи уходили вверх чёрными стенами.

Книги дышали пылью, старой бумагой и временем.

Под этим запахом было что-то ещё.

Что-то древнее.

— Ты опоздала на три минуты, — произнёс Кайан из темноты.

Она увидела его только когда он поднял масляный фонарь. Обычный огонь — живой, жёлтый, без магии. Свет качнулся по его лицу, выхватывая резкие скулы и усталые глаза.

Без мантии он выглядел иначе.

Моложе.

И опаснее.

Не наследник Блэквудов.

Человек, который пришёл решать проблему, о которой не может рассказать никому.

— Ты считал? — спросила Лира.

— Всегда.

— Тяжело жить.

— Иногда.

Он развернулся и пошёл между стеллажами.

Лира двинулась следом.

Пол под ногами был старым — дерево тихо потрескивало. В глубине библиотеки темнота сгущалась настолько, что фонарь уже не разгонял её полностью, а только вырезал узкие островки света.

Кайан шёл уверенно. Значит, бывал здесь раньше.

— Ты часто лазишь в запретные секции? — спросила Лира.

— Только когда обычные книги бесполезны.

— И много таких случаев?

— Становится больше.

Они остановились у дальней стены.

Никаких табличек. Никаких замков.

Просто высокий стеллаж из чёрного дерева.

Кайан коснулся боковой панели — что-то тихо щёлкнуло.

Часть полки ушла в сторону.

За ней скрывался узкий проход.

Ли́ра усме́хнулась.

— Академия магов, а тайники всё равно делают как контрабандисты.

— Люди редко бывают оригинальны.

Он пропустил её вперёд.

Внутри было холоднее.

Полки без названий. Только символы на корешках — стёртые, незнакомые. Пыль лежала неровно: где-то толстым слоем, где-то тонко, словно книги недавно двигали.

Кайан поставил фонарь между двумя стульями.

Даже расстояние между ними он вымерил заранее — несколько метров.

Контроль.

Он всегда строил вокруг себя контроль.

— Итак, — сказал он. — Тёмное Дыхание.

Ли́ра молчала несколько секунд.

Она не знала, как объяснять то, чему её никто не учил.

Это раздражало.

На полигоне всё было проще: тело двигалось раньше мысли. А здесь требовались слова.

— Тьма не похожа на остальные стихии, — произнесла она наконец. — Воздух тебе подчиняется.

— Да.

— Тьма — нет.

Кайан слегка нахмурился.

— Тогда почему она слушает тебя?

— Потому что я её не заставляю.

Он откинулся на спинку стула.

— Очень полезное объяснение.

— Другого нет.

Ли́ра встала.

Тьма под сердцем уже проснулась — спокойно, без угрозы. Как зверь, который узнал место.

— Когда ты используешь Воздух, что ты чувствуешь?

— Давление. Поток. Движение.

— А теперь забудь про управление.

— Это не так просто.

— Я знаю.

Она подошла ближе.

— Не дави. Не тяни. Просто... позволь ей быть рядом.

Кайан смотрел на неё с тем самым внимательным выражением, которое её всё ещё сбивало с толку. Не страх. Не восхищение.

Интерес.

Настоящий.

Он закрыл глаза.

Тишина растянулась.

Фонарь потрескивал маслом.

Где-то далеко ветер ударил в витражи.

Потом Кайан выдохнул сквозь зубы.

— Ничего.

— Ты давил.

— Я пытался аккуратно.

— Аккуратно — тоже давление.

Он открыл глаза.

— Тогда как ты это делаешь?

Лири задумалась.

Как объяснить дыхание человеку, который всю жизнь жил под водой?

— Ты когда-нибудь просто сидел во время грозы и слушал ветер? Не управлял им. Не направлял. Просто слушал.

— Да.

— Вот так.

Кайан снова закрыл глаза.

На этот раз дольше.

И Лири почувствовала.

Слабое движение.

Очень слабое.

Тонкая чёрная нить появилась у его ладони — дрожащая, почти прозрачная. Неуверенная.

Но настоящая.

Кайан резко вдохнул и открыл глаза.

Нить исчезла.

Он смотрел на свою руку так, будто видел её впервые.

— Вот, — тихо сказала Лири. — Теперь она тебя услышала.

Молчание.

Потом он произнёс:

— Моя мать умерла, когда мне было пять.

Ли́ра не ожидала этого.

— Официально — от болезни, — продолжил он ровно. —

Но сейчас... когда я чувствую это...

Он сжал пальцы.

— Я начинаю думать, что нам вдали.

Ли́ра не спросила почему.

Если человек говорит такое вслух впервые — вопросы не нужны.

Она просто кивнула.

— Теперь Щит, — сказала она.

Тьма потекла по её руке.

Не вспышкой.

Медленно.

Чёрные нити сплелись перед ладонью в полупрозрачный диск. Он дышал — почти незаметно, словно внутри билось что-то живое.

Кайан поднялся.

В его глазах снова появился тот холодный аналитический блеск, который помогал ему не сходить с ума.

— Он отражает?

— Нет. Поглощает.

— Проверим.

Воздушное лезвие сорвалось с его пальцев быстро и точно.

Щит принял удар.

Без вспышки.

Без звука.

Воздух просто исчез.

Кайан замер.

— Ещё раз.

Второй удар был сильнее.

Результат тот же.

Ничего.

Только чёрная поверхность Щита дрогнула, будто проглотила что-то невкусное.

— Интересно, — тихо произнёс он.

— Не увлекайся.

Он не ответил.

Воздух вокруг него начал уплотняться.

Серьёзно.

Лира почувствовала это кожей.

— Блэквуд.

— Я хочу знать предел.

— В полсилы.

— Нет.

Серебристый вихрь ударил резко.

Сильнее, чем на тренировке.

Тьма перед Лирой дрогнула, втянула удар в себя — и библиотеку качнуло порывом ветра.

Фонарь едва не погас.

Пыль сорвалась с полок.

Но Щит устоял.

Кайан медленно опустил руку.

— Сколько магов в этой академии способны выдержать такой удар? — спросил он.

— Не знаю.

— Я знаю.

Он смотрел на Щит слишком внимательно.

— Очень мало.

Ли́ра убрала технику.

Тьма стекла обратно под кожу, словно её никогда и не было.

Тишина после этого показалась особенно густой.

Кайан отвернулся первым.

Подошёл к дальнему стеллажу.

Провёл пальцами по корешкам.

Замер.

— Эшфорд.

Что-то в его голосе изменилось.

Ли́ра подошла.

Он держал книгу.

Тёмная кожа переплёта. Никакого украшения, кроме вытиснённых серебром слов:

«Тёмные Техники Забытых Эпох. Том I».

Ниже:

«Запрещено Советом Магов. 1247 год».

Ли́ра посмотрела на полку.

Соседние книги покрывал толстый слой пыли.

На этой пыль лежала иначе.

Недавно трогали.

— Её здесь не было, — тихо сказал Кайан.

— Уверен?

— Я изучал этот стеллаж три дня назад.

Он перевернул книгу.

Очень осторожно.

Как будто боялся, что та исчезнет.

— Кто-то оставил её нам, — сказала Лира.

— Или тебе.

Это прозвучало слишком спокойно.

От этого стало неприятнее.

Кайан открыл первую страницу.

Пусто.

Вторая.

Схемы.

Чёрные круги, символы, анатомические линии магических потоков.

На полях — заметки от руки.

Старые.

— Не здесь, — сказал Кайан сразу.

— Согласна.

Он закрыл книгу.

Пауза.

Потом поставил обратно.

Точно на место.

Но Лира успела заметить ещё одну надпись на корешке.

Мелкую.

Почти стёртую.

«Том I из III».

Она медленно выдохнула.

— Проблем становится больше, — сказала она.

— Я предупреждал.

Кайан взял фонарь.

Они вышли из секции молча.

У скрытой двери он остановился.

— Ты хорошо объясняешь, — произнёс он, не глядя на неё. — Для человека, которого никто не учил.

Лира прислонилась плечом к стеллажу.

— Я объясняю плохо.

— Нет.

Он впервые за всё время чуть заметно улыбнулся.

Почти незаметно.

— Просто я хорошо слушаю.

И ушёл.

Лира осталась одна.

Библиотека снова стала огромной и тёмной.

Она посмотрела на скрытую секцию.

На полку.

На место, где стояла книга.

Кто-то знал, что они придут.

Или ждал именно её.
Тьма под сердцем молчала.
Но это было другое молчание.
Внимательное.

Глава 11. Дуэль Чести

Утро в Академии пахло хлебом, мокрым камнем и слухами.

Лира почувствовала это ещё до того, как свернула к главному коридору. Люди смотрели слишком внимательно. За молкали слишком резко. Кто-то отступал с дороги заранее — не из вежливости. Из осторожности.

Она ненавидела такие взгляды.

В Нижнем Квартале так смотрели перед дракой.

Или перед казнью.

Только там люди хотя бы не притворялись приличными.

Лира шла быстро, засунув руки в карманы сюртука. Слишком много глаз. Слишком много шёпота. Ей уже хотелось развернуться и уйти обратно в западное крыло, где сыро, темно и никому нет до неё дела.

Толпа впереди вдруг дрогнула и расступилась.

Феррус.

Рыжие волосы коротко острижены. Татуировка пламени поднималась по шее к челюсти. Старшекурсник. Крупный. Спокойный.

Вот это было неприятнее всего.

Люди, которые кричат, часто сомневаются.

Спокойные приходят уже решив.

Он остановился прямо перед ней.

— Лира Эшфорд, — произнёс он достаточно громко, чтобы слышал весь коридор. — Я вызываю тебя на дуэль чести.

Шум вокруг стих мгновенно.

Даже лестница наверху будто опустела.

Лира смотрела на него несколько секунд.

— И чем я задела твою честь?

— Ты оскорбила клан Огня самым фактом своего присутствия в этой академии.

— Это не честь. Это личная неприязнь.

— Правила не различают.

Конечно.

Академии всегда любят называть старое насилие красивыми словами.

Лира медленно выдохнула.

Она чувствовала взгляды вокруг.

Ждущие.

Голодные.

Им хотелось крови. Как зрителям на подпольных боях в Нижнем Квартале. Только здесь люди носили дорогие мантии и делали вид, что это традиция.

Если отступить сейчас — её будут проверять каждый день.

Она знала этот закон слишком хорошо.

— Принимаю, — сказала Лира.

По толпе прошёл шум.

Феррус коротко кивнул.

— Полигон номер один. После заката.

И ушёл.

Никто не попытался его остановить.

Кайан догнал её у лестницы западного крыла.

Один.

Без серебристой мантии.

Без привычной свиты.

— Ты понимаешь, кто такой Феррус? — спросил он вместо приветствия.

— Рыжий идиот с завышенной самооценкой.

— Третий по боевой магии на курсе.

— А первый?

— Я.

Лири покосилась на него.

— Конечно.

Он остановился у высокого окна. За стеклом собирался дождь. Воздух рядом с ним пах озоном сильнее обычного.

— Он специализируется на огненных копьях, — сказал Кайан. — Быстрый. Методичный. Любит загонять противника в угол.

— Ты пришёл меня напугать?

— Нет.

Пауза.

— Тогда зачем?

Он посмотрел на неё прямо.

— Феррус бьёт правой рукой. Всегда. Его основной выпад

— копьё справа в грудь. Если уйдёшь с линии атаки, он теряет баланс на полсекунды.

— И этого хватит?

— Для тебя — возможно.

Она молчала секунду.

— Почему помогаешь?

— Потому что если тебя убьют, наша сделка потеряет смысл.

— Романтично.

— Я стараюсь.

На этот раз угол его рта действительно дёрнулся.

Почти улыбка.

Почти.

Потом он снова стал серьёзным.

— Эшфорд.

— Что.

— Не недооценивай его. Он готовился.

И ушёл прежде, чем она успела ответить.

Тьма под сердцем молчала.

Но внимательно слушала.

К вечеру слухи разрослись.

Полигон номер один был забит людьми.

Трибуны шумели, как рынок перед дракой. Первокурсники, старшие курсы, преподаватели. Кто-то делал ставки. Кто-то просто пришёл посмотреть, как «тёмную» наконец поставят на место.

Лира почувствовала знакомое раздражение.

Слишком много людей.

Слишком много ожидания.

Она ненавидела быть зрелищем.

Нисса сидела у самого края трибуны и выглядела так, словно её сейчас стошнит.

Грейв рядом крутил каменный шарик быстрее обычного.

Торвальд стоял в центре арены.

— Правила дуэли, — произнёс он тяжело. — До первой крови. Без смертельных техник. После первой крови бой немедленно прекращается.

Его взгляд остановился на Лире.

— Эшфорд. Любое использование запрещённых техник будет рассматриваться отдельно.

— Я поняла.

Торвальд кивнул, но лицо осталось мрачным.

Феррус уже ждал напротив.

Без мантии.

Только тренировочная форма и кожаные наручи.

Шрамы на руках были старыми.

Человек, который привык драться всерьёз.

Торвальд поднял руку.

— Начали.

Феррус атаковал сразу.

Огненное копьё вспыхнуло в правой ладони и сорвалось
вперёд с резким свистом.

Ли́ра ушла перекатом.

Песок обжёг ладонь.

Второй удар пришёл мгновенно.

Потом третий.

Он не пытался впечатлить толпу.

Он методично загонял её.

Справа.

Сверху.

Под ноги.

Ли́ра двигалась быстро, но чувствовала, как пространство
вокруг медленно сжимается.

Толпа редела.

Как тогда.

В Нижнем Квартале.

Когда двое дерутся, а остальные ждут, кто упадёт первым.
Феррус резко сменил ритм.
Копьё справа.

Прямо в грудь.

Вот оно.

Лира ушла в сторону раньше, чем успела подумать.

Феррус качнулся вперёд.

Потерял баланс.

Полсекунды.

Именно так, как сказал Кайан.

Она уже увидела открытое горло.

И в этот момент вспыхнула левая рука.

Второе копьё.

Короткое.

Быстрое.

Слишком близко.

Ловушка.

Лира успела развернуться только наполовину.

Огненное лезвие полоснуло плечо.

Боль ударила резко и горячо.

Кровь брызнула на песок.

Трибуны взорвались криками.

Феррус выдохнул:

— Попалась.

Торвальд открыл рот, собираясь остановить бой.

И в этот момент что-то внутри Лиры дрогнуло.

Не только боль.

Боль.

Адреналин.

Ярость.

Желание выжить.

Желание уничтожить того, кто стоит напротив.

Всё сразу.

Как будто внутри неё распахнулась дверь, которую она держала закрытой, сама не понимая как.

Тьма вышла мгновенно.

Свет над ареной потускнел.

Не погас — словно стал дальше.

Воздух загустел.

Песок под ногами Лиры начал медленно чернеть.

И её тень...

Тень двигалась неправильно.

На долю секунды она стала длиннее человеческой.

Будто за спиной Лиры стоял кто-то ещё.

Толпа затихла резко, почти испуганно.

Несколько студентов в первых рядах отшатнулись.

Феррус замер.

Впервые за весь бой.

— Что за...

Голос его прозвучал хрипло.

Тьма струилась по рукам Лиры тонкими дымными линиями. Не била. Не взрывалась.

Просто меняла пространство вокруг неё.

Делала его неправильным.

Феррус попытался поднять новое копьё.

И не смог.

Пламя дрогнуло и рассыпалось искрами ещё до формирования.

Как будто сама арена не хотела больше магии рядом с Лирой.

Торвальд поднял Огненный Щит раньше, чем успел подумать.

Не от страха.

От опыта.

Так реагируют люди, слишком долго преподававшие боевую магию и знавшие цену нестабильности.

Тишина стала почти физической.

Лира стояла в центре арены и чувствовала, как Тьма смот-

рит через неё.

Не яростно.

Внимательно.

И это пугало сильнее всего.

Потому что на короткое мгновение ей захотелось сделать шаг вперёд.

Захотелось посмотреть, что будет, если не остановиться.

Ректор появился рядом почти бесшумно.

Подошёл сзади.

Положил руку ей на плечо.

Холодную.

Твёрдую.

— Достаточно, Лира, — произнёс он тихо.

Не приказ.

— Ты доказала. Теперь отпусти.

Тьма замерла.

Потом медленно начала отступать.

Свет над ареной стал обычным.

Воздух — легче.

Тень Лиры снова стала просто тенью.

Она резко вдохнула.

Колени вдруг стали ватными.

Ректор удержал её за локоть прежде, чем она упала.

Феррус стоял напротив бледный как мел.

Без ожогов.

Без ран.

Но смотрел так, будто увидел что-то, чего видеть не должен был.

— Дуэль окончена, — произнёс ректор уже громче. — Победитель не объявлен.

Никто не спорил.

— Феррус дисквалифицирован за атаку после первой крови. Эшфорд — за применение нестабильной техники во время дуэли.

— Я не... — начал Феррус и осёкся.

Ректор даже не повысил голос:

— Достаточно.

И этого хватило.

Нисса первой сорвалась с трибун.

Подбежала к Лире и схватила её за здоровую руку.

— Ты ранена.

— Уже заметила.

Голос у Лиры был хриплым.

Грейв подошёл следом.

Посмотрел на почерневший песок.

— Ну... теперь слухов станет ещё больше.

Кайан спустился последним.

Остановился рядом.

Взгляд скользнул по её плечу, по тёмным следам на песке, по разрушенному ритму толпы вокруг.

— Я сказал не проигрывать, — произнёс он тихо. — Не устраивать кошмар всей академии.

Лира устало посмотрела на него.

— Прости.

— Не извиняйся.

Пауза.

Короткая.

— Это всё ещё было впечатляюще.

Она бы фыркнула, если бы были силы.

Нисса осторожно сжала её пальцы.

Лира машинально посмотрела на собственную руку.

Обычная кожа.

Никаких следов.

Только Тьма внутри молчала.

Тихая.

Внимательная.

И почти... довольная.

Глава 12. Запретный Приём

Лира проснулась от боли.

Плечо горело — глубоко, тупо, как раскалённый металл под кожей. Повязка пропиталась тёмным пятном. Кто-то обработал рану, пока она была без сознания. Пахло травами, спиртом и дождём.

Не полигоном.

Не толпой.

Не Тьмой.

Комната.

Тусклый свет из окна. Нисса спала на стуле у кровати, поджав ноги и уронив голову на руки. Волосы растрепались. На коленях — раскрытая книга, которую она явно не дочитала.

Лира медленно села.

И почти сразу вспомнила всё.

Огненное копьё.

Кровь.

Что-то внутри, сорвавшееся с цепи.

Тень за спиной.

Крик.

Рука ректора на плече.

Отпусти.

Под рёбрами было тихо.

Слишком тихо.

Лира осторожно коснулась груди.

Ничего.

Но память осталась — липкая, неприятная. Не сама вспышка. Ощущение перед ней.

Тот короткий миг, когда ей хотелось не остановиться.

Дверь открылась.

Кайан вошёл без стука.

Как обычно.

Сегодня на нём снова была форма Блэквудов — серебристо-чёрная, безупречно собранная. Только под глазами залегли тени.

Он посмотрел на неё, потом на кровь на бинтах.

— Живая, — констатировал он.

— Разочарован?

— Наоборот. Было бы неудобно объяснять ректору, почему моя союзница умерла через три дня после сделки.

Нисса дёрнулась во сне и вскинулась.

— Лира?!

— Всё нормально.

— Ты три часа не приходила в себя!

— Бывало хуже.

— Это не аргумент! — возмутилась Нисса и тут же осеклась, заметив Кайана. — О. Ты здесь.

— Наблюдательность впечатляет, — сухо сказал он.

Нисса нахмурилась, но промолчала.

Ли́ра посмотре́ла на Ка́яна.

— Ферру́с?

— Жив.

Пауза.

— К сожалению для его гордости — почти невредим. Несколько переломов. Сильное магическое истощение. И теперь половина академии считает, что он обмочился от страха.

— Он не обмочился.

— Знаю. Но слух уже красивее правды.

Нисса нервно фыркнула.

Ли́ра поморщи́лась и осторо́жно спусти́ла но́ги с кро́вати.

Тело ломило так, будто её били камнями.

— Куда ты? — спросила Нисса.

— Если я могу ходить — значит, меня вызовут.

— Уже вызвали, — ответил Кайан. — Ректор ждёт через двадцать минут.

Конечно.

Ли́ра подня́лась.

Комната качнулась. На секунду.

Ка́ян шагну́л бли́же — рефлекторно, почти незаметно.

Она удержалась сама.

Он остано́вился.

То́же почти незаметно.

— Спасибо, — сказала Ли́ра.

— Не за что. Ты ещё не начала падать.

Кабинет ректора находился под центральным шпилем.

Высокие окна. Серебряные печати на стенах. Воздух холодный и неподвижный — как в месте, где слишком долго держат контроль.

Ректор стоял у окна спиной к ним.

Торвальд сидел в кресле, массивный, мрачный, с кружкой чего-то крепкого в руке. Вид у него был человека, которого заставили заниматься бумажной работой после хорошей драки.

Когда Лира вошла, он посмотрел на её плечо.

— Жить будешь.

— Обнадёживает.

— Не привыкай.

Ректор повернулся.

Сегодня он выглядел старше.

Не внешне — взглядом.

— Сядьте, Эшфорд.

Лира села.

Кайан остался у двери.

Ректор посмотрел сначала на него, потом снова на Лиру.

— То, что произошло на арене... вы контролировали?

— Нет.

Торвальд хмыкнул.

— Это мы заметили.

— Я не вызывала это, — сказала Лира. — Оно вышло само.

— Почему?

Она помолчала.

Потому что испугалась?

Потому что разозлилась?

Потому что часть её хотела уничтожить Ферруса за боль?

Все ответы звучали слишком простыми.

— Не только из-за ранения, — сказала она наконец. — Всё вместе. Боль. Адреналин. Давление. Инстинкт. Будто... что-то решило, что меня нужно защищать.

Торвальд медленно кивнул.

Ректор не двигался.

— И это “что-то”, — произнёс он тихо, — становится сильнее.

Не вопрос.

Факт.

Лира выдержала его взгляд.

— Наверное.

Тишина растянулась.

За окнами шумел ветер.

Потом ректор подошёл к столу и положил перед ней тонкую папку.

Старая кожа. Потёртые углы.

На обложке — чёрный символ, похожий на разломанный круг.

— Вы знаете, кто такой Алдрик Тёмный? — спросил он.
Ли́ра покачала головой.

Кайан у двери едва заметно напрягся.

Торвальд перестал пить.

Это Ли́ра заметила сразу.

— Семьсот лет назад, — сказал ректор, — Алдрик был сильнейшим носителем Тьмы за всю известную историю. Он создал техники, которые позже запретил Совет Магов.

Ли́ра почувствовала, как внутри стало холоднее.

— Почему?

— Потому что города исчезали.

Торвальд поставил кружку.

Глухо.

— Люди тоже, — добавил он.

Ректор открыл папку.

Внутри лежал рисунок.

Чёрные линии.

Полупрозрачные формы.

Что-то вроде щупалец — но не совсем. Скорее тени, потерявшие правильную форму.

Точно такие Ли́ра видела вокруг себя на арене.

Её желудок неприятно сжался.

— Это называется Запретный Приём, — сказал ректор.

— Одна из техник Алдрика.

Тишина.

— Я никогда этого не изучала.

— Верю.

— Тогда откуда?..

Ректор закрыл папку.

— Именно это меня беспокоит.

Ли́ра почувствовала, как по позвоночнику медленно про-
ходит холод.

Не страх даже.

Хуже.

Ощущение, что кто-то уже начал историю задолго до неё.

— Что теперь? — спросила она.

Торвальд посмотрел на ректора.

Ректор — на неё.

— Теперь, Эшфорд, — произнёс он спокойно, — вы офици-
ально под наблюдением Академии Врат Бури.

— Звучит почти как угроза.

— Это не угроза. Пока.

Кайан тихо выдохнул у двери.

Ли́ра слышала.

Ректор перевёл взгляд на него.

— А вы, Блэквуд, прекратите взламывать запретную сек-
цию библиотеки.

Молчание.

Ли́ра медленно повернула голову.

Кайан даже не моргнул.

— Не понимаю, о чём вы.

— Конечно.

Торвальд хрипло усмехнулся в кружку.

Ректор снова посмотрел на Лиру.

— Дуэль с Феррусом закрыта. Официальная версия: неконтролируемый выброс древней магии. Оба участника наказаны.

— Наказаны как?

— Феррус отстранён от боевых занятий на месяц. Вы — от дуэлей.

— Я не собиралась—

— Собирались бы, — перебил Торвальд. — Через неделю.

Максимум две.

Лира промолчала.

Потому что он был прав.

Ректор подошёл ближе.

— С этого дня любые проявления Тьмы вы фиксируете и докладываете лично мне. Немедленно. Это ясно?

— Да.

— И ещё одно.

Он сделал паузу.

— Если снова почувствуете тот момент... перед потерей контроля...

Лира подняла взгляд.

— Сразу уходите от людей.

В его голосе впервые прозвучало нечто человеческое.

Не страх.

Опыт.

И от этого стало не по себе сильнее, чем от всех разговоров про Алдрика.

Когда они вышли из кабинета, за окнами уже темнело.

Нисса ждала в коридоре на подоконнике. Вскочила сразу, как увидела Лиру.

— Ну?!

Лира посмотрела на неё.

Потом на Кайана.

— Меня официально считают потенциальной катастрофой.

Нисса несколько секунд переваривала это.

— И... это плохо?

— Обычно да, — сказал Кайан.

Они пошли по коридору втроём.

Молча.

У лестницы Кайан вдруг остановился.

— Алдрик Тёмный, — произнёс он тихо. — Моя семья считала его сказкой.

— А теперь?

Он посмотрел на Лиру.

Долго.

Слишком внимательно.

— А теперь я не уверен ни в чём.

И ушёл.

Ли́ра смотре́ла ему́ всле́д ещё́ не́сколько се́кунд.

Потом ме́дленно опу́стила взгя́д на свою́ ру́ку.

Обы́чная ко́жа.

Обы́чные па́льцы.

Но где-то глубо́ко вну́три она́ всё ещё́ по́мнила то мгно́-
вение на а́рене.

Не я́рость.

Не стра́х.

Го́лод.

Глава 13. Слухи и Страх

Академия гудела.

Не шумно.

Хуже.

Тихо.

Шёпотом.

Лири поняла это ещё до завтрака.

Когда вошла в главный коридор — разговоры не оборвались сразу. Сначала один голос стал тише. Потом второй. Потом тишина пошла волной дальше по залу, пока наконец не осталось только эхо шагов и звон посуды из столовой.

Слишком много глаз.

Она ненавидела это ощущение.

В Нижнем Квартале так смотрели после драки насмерть. Когда люди ещё не решили — ты выжил или стал чем-то, от чего лучше держаться подальше.

Нисса рядом с ней нервно поправила рукав.

— Может... сегодня поедим в комнате?

— Поздно.

— Да. Уже поняла.

Первокурсники расступались раньше, чем Лири успевала подойти.

Некоторые пытались делать вид, что ничего не происходит. Получалось плохо.

Особенно у тех, кто был на трибунах вчера вечером.
Они помнили.
Не саму Тьму.
Ощущение.
Будто воздух вдруг стал слишком тесным.

— Смотри не в глаза.

Шёпот справа.

— Говорят, она чуть не убила Ферруса.

— Он сам полез.

— Ага, скажи это его лицу.

— Тихо, идиот, она услышит.

Лира услышала.

Конечно услышала.

И от этого настроение лучше не стало.

Она резко толкнула дверь столовой.

Разговоры внутри не стихли.

Они уже стихли заранее.

Сиара сидела за дальним столом со своей свитой.

Сегодня — без улыбки.

Ферруса рядом не было.

Плечо ещё лечили.

Несколько человек за её столом заметно напряглись, когда

Ли́ра вошла.

Интересно.

Вчера они выглядели гораздо смелее.

Сиара подняла взгляд.

Долгий.

Холодный.

Без обычной аристократической насмешки.

Теперь там было что-то другое.

Оценка угрозы.

Ли́ра вдруг поняла:

впервые с момента приезда Сиара смотрит на неё всерьёз.

Не как на мусор.

Как на проблему.

Это почти стоило всей дуэли.

Почти.

Они с Ниссой только взяли еду, когда кто-то остановился рядом со столом.

Нисса вздрогнула.

Ли́ра подняла взгляд.

Парень.

Высокий, худой, с синяком под глазом и повязкой на костяшках.

Рядом — девушка с короткими тёмными волосами и ожо-

гом на шее.

Оба старше на курс.

Оба явно нервничали.

Но не от страха.

Скорее будто решились на что-то неприятное и теперь отступать поздно.

Парень прокашлялся.

— Ты Лира Эшфорд?

— Зависит от того, кто спрашивает.

— Тарин.

Он кивнул на девушку.

— Это Кесса.

Девушка коротко кивнула.

Потом сказала прямо:

— Спасибо за Ферруса.

Столовая стала ещё тише.

Если это вообще было возможно.

Лири медленно поставила кружку.

— Не уверена, что понимаю.

Кесса усмехнулась.

Невесело.

— Понимаешь.

Тарин потёр затылок.

— Феррус последние два года держал полкурса в страхе.

Особенно тех, у кого нет клана за спиной.

— Он любил устраивать «тренировки», — спокойно ска-

зала Кесса. — Без преподавателей. Очень воспитательные.

Лира посмотрела на ожог у неё на шее.

Многое стало понятнее.

— И теперь?

Кесса впервые за разговор улыбнулась по-настоящему.

Жёстко.

— Теперь он неделю будет жрать через трубочку и вспоминать, как летал через полигон.

Нисса рядом издала звук, подозрительно похожий на попытку не засмеяться.

Тарин быстро сел напротив.

Будто боялся, что передумает.

— Слушай... — начал он тише. — Люди теперь говорят.

— Люди всегда говорят.

— Нет. По-другому.

Он наклонился ближе.

— Они думают, что ты можешь дать сдачи таким, как Сира.

За соседними столами явно пытались делать вид, что не слушают.

Получалось отвратительно.

Лира медленно откинулась на спинку стула.

Вот оно.

Началось.

Самое опасное.

Не страх.

Надежда.

Кесса смотрела прямо на неё.

— Ты понимаешь, что произошло вчера?

— Феррус проиграл дуэль.

— Нет.

Девушка качнула головой.

— Вчера кто-то впервые за долгое время показал, что золотую молодёжь можно заставить бояться.

Неприятная мысль.

Очень.

Потому что Лира слишком хорошо знала:

люди начинают тянуться к тебе задолго до того, как ты решаешь становиться лидером.

Иногда достаточно просто ударить правильного человека.

У входа в столовую появился Кайан.

И мгновенно заметил:

тишину,

напряжение,

Тарина с Кессой,

выражение лица Леры.

Слишком наблюдательный.

Он подошёл к столу.

Спокойно.

Как всегда.

— Мне стоит ревновать? — спросил он, глядя на занятые места.

Нисса поперхнулась соком.

Тарин побледнел.

Кесса фыркнула.

А Лира устало прикрыла глаза.

Конечно.

Конечно именно сейчас.

Кайан перевёл взгляд на Тарина.

— Ты занял моё место.

— Я уже ухожу.

— Разумное решение.

Тарин встал почти мгновенно.

Кесса — нет.

Она посмотрела сначала на Кайана, потом на Лиру.

Что-то поняла.

И улыбнулась краем рта.

— Интересно, — тихо сказала она.

После чего тоже поднялась.

— Ещё увидимся, Эшфорд.

Они ушли.

Нисса медленно выдохнула.

— Ну. Это было пугающе.

— Что именно? — спросил Кайан, садясь. — Они или я?
— Да.

Некоторое время ели молча.

Потом Кайан негромко сказал:

— Осторожнее.

— С чем?

— С тем, что происходит сейчас.

Лира подняла взгляд.

Он смотрел в сторону столов старшекурсников.

Туда, где студенты украдкой наблюдали за ней.

— Люди любят делать символы из тех, кто ударил систему, — спокойно произнёс он. — А потом очень удивляются, когда символ оказывается человеком.

Лира медленно отставила чашку.

— Я не собираюсь никого возглавлять.

— Хорошо.

— Но?

Кайан посмотрел ей прямо в глаза.

— Толпу это обычно не останавливает.

Глава 14. Тайна Ректора

Лиру вызвали после отбоя.

Не запиской.

Не через преподавателя.

За дверь комнаты просто появился один из старших смотрителей Академии — седой мужчина в серой мантии без знаков стихии.

— Ректор ждёт вас.

И ушёл, не дожидаясь ответа.

Нисса подняла голову от книги.

— Это плохо?

Лира натягивала куртку уже на ходу.

— Если бы было очень плохо, пришёл бы не смотритель.

— А кто?

— Целители. Или стража.

Нисса нервно фыркнула.

— Ты говоришь такие вещи слишком спокойно.

— Потому что обычно это правда.

Она вышла раньше, чем Нисса успела придумать ответ.

Ночной коридор Академии был почти пуст.

Только редкие магические лампы.

Только шаги.

Только ощущение, что стены слушают.

После дуэли всё изменилось.

Это чувствовалось физически.

Днём студенты расступались раньше, чем она подходила ближе. Разговоры обрывались. Кто-то смотрел с любопытством. Кто-то — с откровенным страхом.

Хуже всего были не они.

Хуже были те, кто смотрел с надеждой.

Слишком много таких взглядов за один день.

Слишком много людей вдруг решили, что она может их защитить.

Это раздражало почти так же сильно, как страх остальных.

Ректор ждал у лестницы западной башни.

Не в кабинете.

Уходящий вниз каменный пролёт терялся в темноте под Академией.

— За мной, — сказал он.

Без приветствия.

Без объяснений.

Лира пошла следом.

Лестница оказалась длиннее, чем должна была быть.

Намного длиннее.

Через несколько пролётов воздух изменился.

Стал холоднее.

Тяжелее.

Как перед грозой — только без ветра.

Тьма под рёбрами шевельнулась впервые за весь вечер.

Не тревожно.

Настороженно.

Ректор заметил это, не оборачиваясь.

— Чувствуешь?

— Что именно?

— Значит, чувствуешь.

Это был не ответ.

Но почему-то Лира поняла: другого и не будет.

Чем ниже они спускались, тем старше становился камень.

Верхние этажи Академии были гладкими, отполированными поколениями магов.

Здесь стены выглядели так, будто их не касались веками.

На некоторых камнях виднелись символы.

Старые.

Неровные.

Не похожие на современную магическую вязь.

Лира провела взглядом по одному из знаков — и резко отвела глаза.

На секунду показалось, что символ дрогнул.

Словно заметил её.

— Не смотри долго, — спокойно сказал ректор. — Они

старше человеческой памяти. Некоторые вещи не любят внимания.

— Тогда зачем держать их здесь?

— Потому что снаружи было бы хуже.

Отлично.

Очень успокаивающий ответ.

Последняя дверь оказалась круглой.

Чёрный металл без ручек.

Без замка.

Ректор приложил ладонь к поверхности.

На миг по металлу прошла тёмная рябь.

Дверь открылась внутрь.

И Лира остановилась.

Комната была огромной.

Круглой.

Почти полностью пустой.

Кроме одного.

В центре, над каменным пьедесталом, висел осколок.

Чёрный.

Неровный.

Размером с человеческую голову.

Он не светился.

Наоборот.

Казалось, свет рядом с ним становится тусклее.

И он бился.

Медленно.

Глухо.

Как сердце.

Тук.

Тук.

Тук.

Ли́ра почувствовала это раньше, чем осознала.

Потому что её собственное сердце внезапно сбилось с ритма.

А потом подстроилось.

Тук.

Тук.

Вместе.

Комната качнулась.

Тьма внутри рванулась вперёд так резко, что Ли́ра едва удержала дыхание.

Не страх.

Не ярость.

Узнавание.

Ректор внимательно наблюдал за ней.

— Значит, правда.

— Что это такое?

Её голос прозвучал хрипло.

Ректор перевёл взгляд на осколок.

— Сердце Тьмы.

— Очень поэтичное название.

— Это не название. Это функция.

Осколок снова ударил ритмом.

Тук.

По коже Лиры пробежал холод.

— Оно живое?

— Нет.

Пауза.

— Но когда-то было частью чего-то живого.

Это звучало гораздо хуже.

Ли́ра сделала шаг ближе.

Тьма внутри не сопротивлялась.

Наоборот.

Тянулась.

Как будто всё это время чувствовала направление и только сейчас поняла — к чему именно.

— Не подходи слишком близко, — сказал ректор.

Она остановилась.

— Почему?

— Потому что я не знаю, что произойдёт.

Честно.

Хотя бы это.

Ли́ра посмотрела на него.

— Вы вообще часто говорите людям вещи, от которых

становится только тревожнее?

— Обычно да.

Несколько секунд стояла тишина.

Только медленный пульс осколка.

Тук.

Тук.

Тук.

И в какой-то момент Лира вдруг поняла ещё одну вещь.

Она слышала этот ритм раньше.

Очень давно.

Во сне.

В те ночи после смерти матери, когда просыпалась от ощущения, будто в темноте рядом кто-то дышит.

Холод пробрался вдоль позвоночника.

— Что это такое на самом деле?

Ректор долго молчал.

Слишком долго.

Потом сказал:

— Осколок Хаоса.

Комната словно стала тише.

Даже само слово прозвучало неправильно.

Не как обычное слово.

Как трещина.

— Хаоса?

— До Империи. До Совета Магов. До разделения стихий. Было нечто другое. Старше. Опаснее. Мир пережил это с трудом.

Он смотрел не на неё.

На осколок.

— Большинство считает это легендой. Я бы предпочёл, чтобы так и оставалось.

— И вы храните легенду под школой?

— Академия построена вокруг него. Не наоборот.

Лира медленно перевела взгляд на чёрное сердце.

И впервые по-настоящему почувствовала масштаб.

Не Академии.

Не своей силы.

Чего-то намного древнее.

— Почему оно реагирует на меня?

Ректор наконец посмотрел прямо ей в глаза.

— Потому что ты реагируешь на него.

Очень полезное уточнение.

— Это не ответ.

— Другого у меня пока нет.

Он сделал паузу.

Потом добавил тише:

— Но есть предположение.

Тьма под рёбрами замерла.

Словно тоже слушала.

— Какое?

Ректор смотрел на неё ещё несколько секунд.

Будто решал, стоит ли вообще это произносить.

Потом всё же сказал:

— Возможно, ты ключ.

Лири моргнула.

— К чему?

— Если бы я знал, Эшфорд, я бы спал намного лучше последние двадцать лет.

Тишина снова растянулась между ними.

Осколок бился медленно.

Тук.

Тук.

Тук.

Лири смотрела на него и понимала только одно: что какая-то часть её хочет подойти ближе.

Намного ближе.

И это была очень плохая мысль.

Ректор, похоже, понял это тоже.

— На сегодня достаточно.

— И всё? Вы просто покажете мне древний кусок кошмара под Академией и отпустите спать?

— Да.

— У вас ужасные методы преподавания.

В уголках его глаз впервые мелькнуло что-то похожее на усталую усмешку.

— Ты ещё не видела мои экзамены.

Наверх они поднимались молча.

Но уже у самой лестницы ректор вдруг остановился.

— Ещё одна вещь.

Лира подняла взгляд.

— То, что произошло на арене... это был не контроль.

— Я заметила.

— Но это был и не полноценный срыв. Ты удержала себя раньше, чем Тьма успела закончить переход.

— Переход?

— Пока забудь это слово.

Очень обнадеживающе.

— Тогда зачем говорить?

Ректор открыл дверь наверх.

Холодный воздух Академии ударил в лицо.

— Потому что скоро ты начнёшь слышать его всё чаще.

Глава 15. Урок Стихий

После дуэли Академия начала смотреть на Лиру иначе.

Не как на первокурсницу.

Как на проблему.

Это ощущалось даже на занятиях.

Когда она вошла в аудиторию общей стихийной теории, разговоры стихли не сразу — слишком резко. Несколько студентов отвели взгляды. Кто-то, наоборот, уставился слишком внимательно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.